

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Уральский государственный лесотехнический университет»
(УГЛТУ)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник научных трудов
по материалам
научно-практической конференции

Екатеринбург
2019

УДК 316.722(470)

ББК 60.524

Ц 58

Рецензенты

доктор философских наук, профессор кафедры философии и акмеологии УрГПУ Л.А. Беляева,

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина А.В. Антошин

Редакционная коллегия

И.В. Назаров, О.Н. Новикова (отв. за выпуск), А.В. Чевардин

Ц 58 Цивилизационные перемены в России [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / под общ. ред. И.В. Назарова, О.Н. Новиковой, А.В. Чевардина. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2019. – 700 Кб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Мин. системные требования: IBM Intel Celeron 1,3 ГГц; Microsoft Windows XP SP3; видеосистема Intel HD Graphics; дисковод, мышь. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-94984-692-6

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным проблемам социального развития российского общества, его духовно-нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным процессам в современном образовании и природопользовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствие ссылок оригиналу и прочие сведения.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного лесотехнического университета.

УДК 316.722(470)

ББК 60.524

ISBN 978-5-94984-692-6

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный
лесотехнический университет», 2019

© Авторы статей, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ CONTENTS

Проблемы социально-исторического развития России.....	6
Problems of social and historical development of Russia	
<i>Л.Д. Самарская. Современные тенденции международных экономических отношений и проблемы безопасности.....</i>	<i>6</i>
<i>L.D. Samarskaya. Modern tendencies of international economic relations and security problems</i>	
<i>О.Г. Черезова. Проблемы системы здравоохранения в России...</i>	<i>12</i>
<i>O.G. Cherezova. Problems of the healthcare system in Russia</i>	
<i>И.З. Герштейн. Трансформация национальной идентичности в условиях современного российского этатогенеза.....</i>	<i>17</i>
<i>I.Z. Gershtejn. Transformation of national identity in conditions modern russian ethatogenesis</i>	
Духовно-нравственные проблемы российского общества.....	24
Spiritual and moral problems of the russian society	
<i>О.Н. Новикова. Игровой праксис в культуре постмодерна.....</i>	<i>24</i>
<i>O.N. Novikova. Game praxis in the culture of postmodern</i>	
<i>Е.Л. Яковлева. Мерцающий контур игры через призму новации и традиции.....</i>	<i>31</i>
<i>E.L. Yakovleva. Gunning circuit game through the prism of novation and tradition</i>	
<i>Л.А. Киселева. Методы и способы формирования общекультурных компетенций в процессе изучения социологии.....</i>	<i>39</i>
<i>L.A. Kiseleva. Methods and ways of formation of general cultural competences in the process of studying of sociology</i>	
<i>Л.Л. Боровских. Формирование у бакалавров вуза эстетического восприятия объектов искусства с целью приобщения их к общекультурным ценностям и национальным традициям.....</i>	<i>47</i>

<i>L.L. Borovskih. The formation of aesthetic perception of art objects, with the aim of familiarizing with cultural values and national traditions bachelors of the university</i>	
<i>А.В. Березина. Регионально-этнический тип культуры марийцев Урала.....</i>	51
<i>A.V. Berezhina. Culture of the mari of the urals as a regional and ethnic type</i>	
<i>А.Г. Иванов. Практики конструирования и трансляции политических мифов в эпоху символической политики и массовой медиатизации.....</i>	59
<i>A.G. Ivanov. The practice of constructing and broadcasting of political myths in the era of symbolic politics and mass mediatization</i>	
<i>Т. Багирова, С.Н. Каташинских. Специфика дистанционной формы обучения в вузе.....</i>	66
<i>T.B. Bagirova, S.N. Katashinskih. Specificity of teaching students in distance form in university</i>	
<i>Ф.А. Полчаева. Роль институтов гражданского общества в преодолении религиозного экстремизма в Российской Федерации.....</i>	70
<i>F.A. Polchaeva. The role of civil society institutions in overcoming religious extremism in the Russian Federation</i>	
Российская повседневность: история, современность, перспективы развития.....	77
Russian reality: history, modernity, development prospects	
<i>Д.Ю. Пухов. Провинциальная оппозиционная публицистика накануне Первой русской революции: газета «Пермский край» в 1900–1904 гг.....</i>	77
<i>D.YU. Puhov. Provincial oppositional publicism on the eve of the First russian revolution: newspaper «Permsky krai» in 1900–1904 years</i>	
<i>А.В. Чевардин. Деятельность Свердловского и Молотовского областных правлений союза польских патриотов: сходства и различия.....</i>	84

<i>A.V. Chevardin. Activity of Sverdlovsk and Molotov regional boards of the union of polish patriots: similarities and differences</i>	
<i>Н.Г. Фонова. Новые тенденции на рынке туризма в 2018 году...</i>	90
<i>N.G. Fonova. New trends in the tourism market in 2018 year</i>	
<i>А.И. Ганчар. Решение участи ссыльного Римско-католического духовенства в Российской империи (1865–1885 гг.).....</i>	97
<i>A.I. Ganchar. The resolution of the plight of the Exiledroman-catholic clergy in the Russian empire (1865–1885 years)</i>	
<i>Д.А. Белащенко, А.П. Шмелев, И.Ф. Шоджонов. Проблемные аспекты социализации таджиков в принимающем сообществе на примере Российской Федерации.....</i>	106
<i>D.A. Belashchenko, A.P. SHmelev, I.F. SHodzhonov. Problem aspects of tajic socialization in hosting community on example of the Russian Federation</i>	
Проблемы природопользования в России.....	112
Problems of nature management in Russia	
<i>Е.Ю. Литвинец. Правовое обеспечение лесопользования в РФ с точки зрения эффективности современной лесной политики...</i>	112
<i>E.YU. Litvinec. Legal provision of forest use in the Russian Federation from a view of efficiency modern forest politics</i>	
Наши авторы.....	119
Our authors	

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ
PROBLEMS OF SOCIAL AND HISTORICAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA**

ГРНТИ 06.51.51
УДК 339.9/075.8/

Л.Д. Самарская
(L.D. Samarskaya)
УГЛТУ, Екатеринбург

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
MODERN TENDENCIES
OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS
AND SECURITY PROBLEMS**

В статье рассматриваются актуальные тенденции в системе межгосударственных экономических отношений и вызванные ими проблемы безопасности [1–4].

The article discusses current trends in the system of interstate economic relations and the security concerns which they cause.

Ключевые слова: интернационализация, глобализация, транснационализация, тенденции, безопасность, технологии [1–4].

Keywords: internationalization, globalization, transnationalization, trends, security, technology.

Глобализация мировых экономических связей – объективный процесс, обусловленный интернационализацией производства, переработкой производством национальных границ, стремлением народов и государств к развитию международного сотрудничества, обеспечению международной безопасности. В XX веке международная интернационализация активно перерастала в глобализацию, которая неразрывно связана с развитием информационных и коммуникационных технологий. С одной стороны, глобализация позволяет участвующим в ней государствам с меньшими затратами решать внутригосударственные экономические проблемы. С другой стороны, в условиях глобализации усиливается неравенство государств в экономическом отношении, что порождает тенденцию к антиглобализму, к борьбе за международную безопасность.

Интернационализация производства, обусловленная, прежде всего, научно-техническим прогрессом, сопровождается интернационализацией мирохозяйственных связей, перерастанием национальных границ в глобальном масштабе, образованием и ростом могущества транснациональных корпораций, транснационализацией монополистического капитала. Стратегия транснационализации монополистического капитала неразрывно связана с его активной деятельностью по захвату мирового производства и по реализации продукции.

Транснационализация монополистического капитала вызывает глубокие качественные изменения во всей системе мирохозяйственных связей, что проявляется в комплексе глобальных экономических процессов, приобретающих политический характер.

Интересы союзов монополистов становятся определяющими в борьбе за территориальный и экономический раздел и передел мира. Они получают поддержку международных финансово-экономических организаций, крупнейших региональных торгово-экономических блоков, международных экономических центров, участников других форм организационного объединения капитала.

Произошло перераспределение роли крупнейших капиталистических держав и международных союзов монополистов в борьбе за господство в мировой экономике и политике. Отдельные страны, прежде всего США, превращаются в ударную силу транснационального монополистического капитала, а остальные становятся объектом его эксплуатации. В число эксплуатируемых попадают и бывшие метрополии.

Внутренняя политика большинства стран мира, в том числе стран развитого капитализма, подчиняется сформировавшейся транснациональной олигархии. Это ведет к потере ими безопасности, уничтожению национального интеллектуального потенциала, интеллектуальных ресурсов, разграблению природных богатств, другим опасным для данных государств явлениям.

Насаждение в условиях углубляющегося международного разделения труда рыночной модели хозяйствования, как единственной и безальтернативной, борьба транснациональных корпораций за максимально возможную прибыль от глобального усиления эксплуатации стран и континентов вызывают нестабильность и хаос, которые во все большей степени парализуют жизнь общества на планете.

Подавляется любое сопротивление реализации глобальных интересов транснационального монополистического капитала. Стремление транснациональной финансовой олигархии к усилению мирового

господства сопровождается проведением крупномасштабных провокаций, которые имеют продолжение в акциях военного характера на различных континентах земного шара. Свидетельство этому – создание военных баз США и НАТО на территории некоторых стран СНГ, подготовка к военному вторжению на территорию неугодных США стран, стимулирование дезинтеграционных процессов на территории Содружества Независимых Государств, насаждение народам мира космополитического и националистического мировоззрения.

К числу важнейших тенденций современных международных экономических отношений могут быть отнесены укрепление взаимодействия стран БРИКС и Евроазиатского экономического союза, обострение экономических отношений США и Европейского союза, стремление группы стран пересмотреть международные отношения, сложившиеся после Второй мировой войны на основе ялтинских и потсдамских соглашений трех великих держав (СССР, США и Великобритании), проблемы ядерной безопасности, освоение космоса.

В последнее время наиболее развитые в экономическом отношении страны, вышедшие в космос, особое внимание уделяют разработке принципиально новых двигателей, которые позволяют в достаточно короткое время достигать всех планет солнечной системы. Известно, что в Англии был изобретен квантовый микроволновый двигатель EmDrive, который Китай успешно испытал в космосе и сообщил об этом в прессе. Данный двигатель может успешно работать в атмосфере и открытом космосе. Эти китайские разработки ведутся в рамках госпрограммы на государственном уровне. США тоже ведут исследования в использовании квантового микроволнового двигателя, однако эти работы в НАСА полностью засекречены. Вместе с тем известно, что первенство в области создания квантовых двигателей (КвД), которые не используют реактивное движение, принадлежит России.

Современные тенденции в международных экономических отношениях свидетельствуют о том, что экономическую безопасность каждой страны характеризуют доля наукоемких отраслей в валовой промышленной продукции, доля машиностроения в структуре экспорта, доля импорта стратегических товаров, в том числе, продовольствия в общем объеме потребления продовольствия в стране, доля безработных в экономически активном населении, характер межгосударственных отношений стран мира (с учетом их экономической, политической и оборонной безопасности).

Концепция национальной безопасности каждой страны должна учитывать защищенность жизненно важных интересов граждан, общества, государства, национальных ценностей и образа жизни от внешних и внутренних угроз – политических, военных, экономических, информационных, экологических и других.

Современное развитие мировой экономики и национальных экономик неразрывно связано с уже начавшим формированием шестым технологическим укладом, который органически связан с более высоким уровнем научно-технического прогресса, научно-технической революции.

Известно, что в период перехода от одного технологического уклада к другому одновременно существуют эволюционные и революционные технологии. Эволюционные технологии продолжают улучшать инновационные действующие технологии, а революционные создают предпосылки и условия для замены действующих, морально и физически устаревающих технологий на принципиально новые, обеспечивают технологический прорыв принципиально новых технологий, повышение уровня специализации производства.

Социально-экономическое развитие России также неизбежно связано с формирующимся в мировой экономике шестым технологическим укладом и должно будет подчиняться его требованиям, представляющим собой совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический и технико-технологический уровень и развивающихся синхронно.

В период формирования шестого технологического уклада на развитие России оказывает влияние уровень ее технико-технологического развития, организационной структуры производства, социально-культурной жизни общества, политико-экономического строя. В данной ситуации социально-экономическое развитие страны должно сопровождаться крупными изменениями в технико-технологической базе общества, общественном разделении труда, его кооперации, структуре производства.

В современных условиях глобализация мировой экономики имеет два направления.

Первое направление связано со стремлением США и группирующихся вокруг них субъектов мирового хозяйства обеспечить формирование однополюсного мира. Оно вызывает межгосударственную конфронтацию, раскол человечества, ставит под сомнение возможность существования человеческого общества при использовании современных достижений науки и техники в военных целях. Его

реализуют транснациональные корпорации, всемирная финансовая олигархия, крупные международные финансовые центры, МВФ, Всемирный банк, НАТО, политическая элита «семерки», борющаяся за мировое господство.

Это направление глобализации широко использует разрушение национальной экономики стран путем поглощения их мировым рынком; фактическое уничтожение суверенитета государств при внешне видимом его существовании; свободное выкачивание материальных и интеллектуальных ресурсов с различных территорий земного шара; безраздельное господство небольшой группы стран на мировом информационном поле и в космосе; разработку конкретных планов борьбы против различных государств, учитывая конкретные условия их современного развития; навязывание американского образа жизни, подавление национальной культуры, способности стран к сопротивлению экономическими методами; навязывание нового мирового порядка; ликвидацию обороноспособности стран.

Важнейшим объектом такой глобализации стала Россия, но ее судьба в третьем тысячелетии стала неразрывно связана с мобилизацией собственных сил к сопротивлению, с обеспечением безопасности во всех ее формах.

Второе направление глобализации обеспечивает качественный скачок в развитии производительных сил и человеческой цивилизации с равными возможностями для всех государств и их народов, отвергает насилие, экономические, военные и иные формы давления, эксплуатацию одних стран другими, политические угрозы. За это направление глобализации мировых экономических связей ведут борьбу страны, отвергающие межгосударственное насилие в любых его формах – как в «мирных», так и с использованием вооруженной силы.

После разрушения СССР (с конца 1991 и до 2010 года) Россия фактически не могла конкурировать с развитыми капиталистическими странами, имея резкое снижение промышленного производства, производственного потенциала, товаров потребительского назначения, низкую конкурентоспособность, значительный внешний долг, не соответствующую мировому уровню инновационную активность. Возникла высокая зависимость страны от иностранных государств в товарах производственного и потребительского назначения, в структуре экспорта и импорта, в финансовых ресурсах. Фактически после разрушения Советского Союза мир стал однополярным.

Однако в последние годы Россия стала оказывать определенные воздействия на состояние международной безопасности, включая борьбу с международным терроризмом, националистическими и фашистскими группировками, стремящимися восстановить свое влияние в отдельных странах. Свидетельством этого являются события в Сирии.

На основании выше изложенного можно сделать следующий вывод.

Важнейшей закономерностью современного экономического развития является экономическая интеграция, которая, осуществляясь на мировом уровне, создает интеллектуально-материальные предпосылки для формирования и функционирования производственной базы общества, характеризующей его постиндустриальное развитие.

В настоящее время интеграционные процессы, в конечном счете, определяют долгосрочные тенденции развития интеллектуально-материального потенциала мирового сообщества, отдельных государств, регионов, их отраслевой и межотраслевой специализации, роли в социально-экономическом и политическом развитии мира, место в глобальных научно-технических процессах.

Учитывая современный уровень и перспективы изменения интернационализации, глобализации и транснационализации России необходимо: разрабатывать интеграционную стратегию во взаимосвязи с инвестиционной и технологической стратегиями; до 2020 г. определить основные направления и динамику инвестиций в стратегические зоны хозяйствования, зоны стратегических ресурсов; использовать мобилизационный подход к организации экономического развития страны в целях значительного роста производительности труда; своевременно предотвращать возникновение угроз, подрывающих развитие стратегического инвестиционного потенциала страны.

Библиографический список

1. Современные тенденции развития мировой экономики. URL: <https://megaobuchalka.ru/8/20084.html> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Шестой технологический уклад. Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Глазьев С. О бенефициарах проводимой экономической политики // Аргументы недели. 2018. № 35 (628). С. 3, 8–9.
4. Сильвестров С. Глобализация и глобальное регулирование: Новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 62–67.

ГРНТИ 76.01.11
УДК 31

О.Г. Черезова
(O.G. Cherezova)
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ PROBLEMS OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN RUSSIA

В статье рассмотрены некоторые проблемы, связанные с состоянием системы здравоохранения как элемента социальной инфраструктуры. На основе статистических данных проанализирована динамика числа медицинских учреждений и численности медицинского персонала. Выявлены проблемы, связанные с сокращением этого показателя. Выявлена проблема дефицита медицинских кадров. Обозначены отрицательные последствия оптимизации системы здравоохранения.

The article deals with some problems related to the state of the health care system as an element of social infrastructure. The dynamics of the number of medical institutions and the number of medical personnel is analyzed on the basis of statistical data. The problem of shortage of medical personnel is revealed. The negative consequences of the optimization of the health care system are indicated.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, здравоохранение, статистика, оптимизация, медицинские кадры.

Keywords: social infrastructure, health care, statistics, optimization, medical personnel.

Сеть медицинских учреждений является одним из важнейших элементов социальной инфраструктуры. Состояние системы здравоохранения оказывает самое непосредственное влияние на уровень и качество жизни населения. Возможность своевременного получения качественной медицинской помощи, выявление на ранней стадии опасных заболеваний сказывается на показателях смертности и продолжительности жизни населения; состояние же здоровья людей сказывается на качестве рабочей силы.

В последнее время о состоянии медицины говорят в основном в связи с процессом оптимизации системы здравоохранения, оценки которого до сих пор достаточно противоречивы – от утверждений, что этот процесс способствует повышению качества медицинских услуг, т. к. крупная больница или поликлиника способна предоставлять более широкий спектр услуг достаточно высокого качества, до крайне отрицательных оценок, мотивированных тем, что медицинская помощь в результате сокращения числа медицинских учреждений становится все менее доступной.

Реформа здравоохранения официально стартовала по всей стране с января 2015 года с подачи Минздрава РФ, несмотря на все возражения общественности и даже предварительные расчеты потерь среди населения в результате этих действий. Федеральные чиновники не скрывали при этом, что одной из причин изменений стала экономия бюджетных средств на фоне экономического кризиса [1].

Объективную и взвешенную оценку результатов реформы, да и всех тех процессов, что протекали в системе отечественного здравоохранения в постсоветский период, дать пока трудно. Но попробуем оценить их, опираясь на официальные данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики (табл. 1).

Таблица 1

Количество медицинских учреждений 1940–2017 гг.
(по данным Госкомстата) [2]

Годы	Число Больничных организаций, тыс.	Число больничных коек		Число врачебных амбулаторно- поликлинических организаций, тыс.
		Всего	На 10 тыс. человек населения	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
1940	8,5	482,0	43,3	20,5
1950	10,5	609,8	59,2	20,4
1960	14,3	990,9	82,1	21,9
1970	13,8	1 469,3	112,5	19,9
1980	12,5	1 801,9	129,8	18,7
1990	12,8	2 037,6	137,4	21,5
1995	12,1	1 850,5	125,8	21,1
2000	10,7	1 671,6	115,0	21,3
2001	10,6	1 653,4	114,4	21,3
2002	10,3	1 619,7	112,6	21,4
2003	10,1	1 596,6	111,5	21,5
2004	9,8	1 600,7	112,2	22,1
2005	9,5	1 575,4	110,9	21,8
2006	7,5	1 553,6	109,0	18,8
2007	6,8	1 521,7	106,6	18,3
2008	6,5	1 398,5	98,0	15,5
2009	6,5	1 373,4	96,2	15,3
2010	6,3	1 339,5	93,8	15,7
2011	6,3	1 347,1	94,2	16,3
2012	6,2	1 332,3	92,9	16,5
2013	5,9	1 301,9	90,6	16,5
2014	5,6	1 266,8	86,6	17,1

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
2015	5,4	1 222,0	83,4	18,6
2016	5,4	1 197,2	81,6	19,1
2017	5,3	1 182,7	80,5	20,2

Даже по данным официальной статистики видно, что количество больниц, начиная с 90-х гг. XX в. неуклонно сокращалось. В 2017 г. их число составляло всего 5,5 тыс., что меньше чем в предвоенном 1940 году. Разумеется, можно возразить, что данные за 1940 г. скорее всего, приведены для всего СССР и нужно учитывать сокращение территориальных границ в результате его распада. Но гораздо важнее в этом случае показатель в динамике. Если даже за десятилетие, на которое пришлось военные годы, наблюдалось увеличение как числа больниц, так и коек в них (как в абсолютном значении, так и в расчете на 10 тыс. чел.), то с 1995 по 2017 гг. эти показатели неуклонно сокращались.

Число больниц в 2017 г. составило всего 44 % от 1995 г., т. е. уменьшилось более чем в 2 раза. Количество больничных коек составило 63 % от 1995 г.; этот же показатель в расчете на 10 тыс. чел. – соответственно около 64 %. Причем наиболее интенсивное сокращение показателя, рассчитанного на 10 тыс. чел. населения происходило именно в 2015–2017 гг., т. е. в ходе оптимизации. Так, один только Екатеринбург за 2017 год потерял 480 мест в стационарах (практически целую больницу). По данным Горздрава, это составило 7 % от общего коечного фонда. В результате реформы были закрыты одно отделение детской больницы № 16, два отделения в ЦГБ № 6 и еще одно в ЦГБ № 1 [1]. Аналогичная или еще худшая ситуация наблюдалась и в других городах, и на селе. Все это привело к сокращению доступности медицинских услуг стационара. Вплоть до того, что госпитализации сейчас не подлежат больные с диагнозами, которые подлежали лечению в условиях стационара еще 5 лет назад.

Единственный показатель, по которому наблюдался рост в период оптимизации (после сокращения в течение полутора десятилетий), как ни странно – количество поликлиник. Это вполне соответствует лозунгу чиновников – заставить пациентов лечиться в амбулаторных условиях, что, в свою очередь, сокращает затраты государства на лечение. Эта тенденция просматривается еще с 2011 г. Несмотря на многочисленные сведения о закрытии поликлиник в небольших населенных пунктах

и административных районах городов, по данным статистики, этот показатель за три года вырос на 18 подп. Но тем не менее число поликлиник в 2017 г. так и не достигло показателя 1995 г.

При этом данные статистики свидетельствуют об увеличении числа посещений поликлиник за смену как в абсолютном значении, так и на 10 тыс. населения. Так, в 1995 г. этот показатель составлял соответственно 3 457,9 тыс. и 235,1; в 2015 г. – 3 914,2 тыс. и 263,5; в 2017 г. – 3 966,7 тыс. и 270,1 [2]. При этом тенденция к росту была устойчивой. На основании этого можно сделать вывод как об укрупнении поликлиник, так и о сокращении норматива времени приема на одного пациента, которое в 2016–2017 гг. в некоторых поликлиниках составляло до 8–10 минут.

Таблица 2 позволяет увидеть, как за рассматриваемый период менялась численность и обеспеченность населения медицинскими кадрами.

Таблица 2

Численность медицинских кадров в 1940–2017 гг.
(по данным Госкомстата) [2]

Годы	Численность врачей		Численность среднего медицинского персонала	
	Всего, тыс. человек	На 10 тыс. чел. населения	Всего, тыс. человек	На 10 тыс. чел. населения
1	2	3	4	5
1940	82,2	7,4	299,1	26,9
1950	148,9	14,5	461,8	44,9
1960	233,2	19,3	835,3	69,2
1970	347,4	26,6	1 243,2	95,2
1980	531,5	38,3	1 614,1	116,3
1985	620,7	43,2	1 756,7	122,4
1990	667,3	45,0	1 844,0	124,4
1995	653,7	44,4	1 628,8	110,8
2000	680,2	46,8	1 563,6	107,6
2001	677,8	46,9	1 544,4	106,8
2002	682,4	47,4	1 557,0	108,2
2003	686,0	47,9	1 551,5	108,3
2004	688,2	48,2	1 545,8	108,3
2005	690,3	48,6	1 529,8	107,7
2006	702,2	49,1	1 545,0	108,1
2007	707,3	49,6	1 542,5	108,1
2008	703,8	49,3	1 511,2	105,9
2009	711,3	49,8	1 517,6	106,2

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
2010	715,8	50,1	1 508,7	105,6
2011	732,8	51,2	1 530,4	107,0
2012	703,2	49,1	1 520,3	106,1
2013	702,6	48,9	1 518,5	105,7
2014	709,4	48,5	1 525,1	104,3
2015	673,0	45,9	1 549,7	105,8
2016	680,9	46,4	1 537,9	104,8
2017	697,1	47,5	1 525,2	103,8

В отличие от числа медицинских учреждений, численность врачей в постсоветский период возросла. Рост этот, правда, оказался достаточно незначительным – всего на 6 подп. по сравнению с 1995 г. При этом динамика показателя оказалась неоднозначна. Если до 2007 г. численность врачей увеличивалась, то в последующие 10 лет рост показателя периодически сменялся сокращением.

Аналогичные тенденции наблюдались и в отношении среднего медицинского персонала. Но, в отличие от численности врачей, его численность в целом уменьшилась и составила к 2017 г. около 94 % от показателя 1995 г.

Соответственно, при росте числа посещений медицинских учреждений увеличилась и нагрузка на медицинских работников, что не способствует качеству оказываемых медицинских услуг.

При этом сохранялся дефицит специалистов в области медицины. Так, только в Екатеринбурге в 2018 г. зафиксировано около 2 тыс. свободных вакансий медицинских сестер, 457 – участковых терапевтов и более 600 – детских врачей и участковых педиатров (т. е. самых востребованных медицинских работников) [3].

Таким образом, даже по официально опубликованным данным статистики, можно проследить четкую тенденцию к сокращению доступности и ухудшению качества бесплатных медицинских услуг. Что в ближайшем будущем не может отрицательно не сказаться на показателях смертности и продолжительности жизни.

Библиографический список

1. Наша газета. М. 2016.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Обзор статистики зарплат в отрасли «Медицина» // Фармацевтика Свердловской области. URL: <http://sverdlovskaya-oblast.trud.com> (дата обращения: 15.01.2019).

ГРНТИ 323.213

УДК 11.15.23

И.З. Герштейн

(I.Z. Gershtejn)

ННГУ, Нижний-Новгород

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ЭТАТОГЕНЕЗА
TRANSFORMATION OF NATIONAL IDENTITY
IN CONDITIONS MODERN RUSSIAN ETHATOGENESIS**

Статья посвящена трансформации национальной идентичности России после распада Советского Союза. Автор анализирует структуру национальной идентичности. Этапы трансформации выделены на основе способа самоидентификации. Приведена оценка текущего состояния процесса. Определена главная проблема построения матрицы национальной идентичности России.

The article studies the transformation of the national identity of Russia after the collapse of the Soviet Union. The author analyzes the structure of national identity. Stages of transformation are allocated on the basis of a way of self-identification. The current state of the process is estimated. The main problem of construction the matrix of the Russian national identity is defined.

Ключевые слова: национальная идентичность, трансформация идентичности, структура идентичности, политическая самоидентификация, этатогенез.

Keywords: national identity, the transformation of the identity, the structure of identity, political identity, ethatogenesis.

После распада в 1991 г. СССР и создания на его территории пятнадцати независимых государств перед населением этих стран встала проблема переоценки собственной политико-институциональной идентичности. В разных государствах этот процесс протекал по-разному. В России важными факторами этого процесса стали, во-первых, центральное положение РСФСР в системе союзных республик, а во-вторых, «авторское право» на тысячелетнюю историю российского государства.

Цель данной статьи – изучение этапов формирования российской национальной идентичности в контексте современного этатогенеза (становления новой российской государственности после распада Советского Союза) в качестве одного из важнейших его аспектов.

Задачи:

а) определить границы понятия «национальной идентичности» как категории анализа в данной работе;

б) оценить состояние «национальной идентичности» на момент распада СССР;

в) выделить этапы трансформации этой формы идентичности с раскрытием их сущности и значения.

Для решения поставленных задач необходимо использование метода формализации для уточнения ключевых для данной работы понятий, в первую очередь понятия «национальной идентичности».

Хронологический и типологический методы использованы для выявления этапов трансформации национальной идентичности России. Используются также общенаучные методы. В качестве источников привлечены издания политической литература, заявления и выступления первых лиц государства и идеологов, а также рядовых граждан.

Понятие «идентичность» пришло в политическую науку из смежных социогуманитарных дисциплин, в первую очередь, из психологии. Оно означает отождествление психики индивида со своим телом.

Политическая идентичность – это соотнесение человеком себя с определенными политическими институтами, процессами, феноменами [1, с. 8–9]. Прилагательное «национальная» вместо уточнения политических координат, скорее, их запутывает. Это связано с двойственной природой изначального понятия «нация»: этнической (социокультурной) и государственной (институциональной). В первом случае человек причисляет себя к общности, во втором – соотносит с политическим институтом.

В современной политической практике, при которой государство является доминирующей формой политической организации общества, роль этнических структур во властных отношениях остается весьма заметной, индивиду приходится выстраивать идентичность, основанную на обеих координатах. Этот психологический феномен можно назвать национально-государственной идентичностью.

Национально-государственная идентичность – структурный элемент индивидуального и массового политического сознания, формирующий единство человека, социальной политической группы и политического института [2, с. 36].

По причине того, что исследования политической идентичности являются сравнительно молодой областью политической науки и используемые категории и понятия не устоялись окончательно [3],

некоторые исследователи используют понятия «национально-государственная идентичность» и «национальная идентичность» как синонимы. В настоящей статье мы поступим также.

Важнейшим аспектом, без которого невозможно понимание процессов разрушения/построение национальной идентичности в рамках российского этатогенеза, является анализ структуры национальной идентичности. При всей уникальности каждой идентичности подобного типа ее структура является относительно универсальной. Определяя положение государства и общества в историческом времени и пространстве истории, суть базируется на трех временных понятиях: прошлого, настоящего и будущего. Их соотношение четко определено – прошлое является необходимым предвестником настоящего, которое экстраполирует весь свой «позитив» в будущее [4, с. 88–89].

С распадом СССР эта схема, базировавшаяся в советском государстве на кратком курсе истории ВКП(б), полностью развалилась. Настоящее – тяжелейший социально-экономический, политический и культурный (смена ценностей) кризис. При таких условиях в «светлое демократическое будущее» уже не верилось.

Для большинства граждан России светлые воспоминания ассоциировались со временами СССР, и советская идентичность пережила Советский Союз. Политика правительства первых лет была направлена на окончательное разрушение советской идентичности, «зачистку» массового сознания от «совка» для построения новых психологических схем и конструкций. Эта работа велась по нескольким направлениям.

Во-первых, появился термин «россияне», который до сих пор вызывает неоднозначную реакцию [5]. Необходимость его введения объяснялась многонациональностью населения страны, не сводимого к русскому этносу. Четверть века бытования термина во многом закрепили его статус политонима, обозначающего политическую общность, в отличие от этнонима «русский» [6, с. 135].

Вторым аспектом стала активизация «негативной идентичности» – идентификации «от противного... сообщество конституируется отношением к негативному фактору... который становится условием солидарности его членов» [7, с. 272]. Подобным противоположным феноменом как раз и выступала советскость. «Арьергардным боем» советской идентичности стали события осени 1993 г.

Одним из самых сложных моментов в строительстве национальной идентичности является переход от «негативной» идентичности,

основанной на отрицании, к «позитивной». На этом этапе возникли большие проблемы. Попытки навязчивой рекламы и внедрения в массовое сознание граждан России основ либерально-демократической идеологии потерпели неудачу. Главной причиной этого, на наш взгляд, стали проблемы с целеполаганием – т. е. определением самого смысла существования страны [4, с. 88–89]. Население страны в 90-е гг. XX в. так и не смогло понять, зачем существует Российская Федерация.

Рубеж столетий в отечественной истории ознаменовался сменой руководителя страны. В условиях традиционной для России высокой степени персонализации и сакрализации верховной власти, эта перемена оказала большое влияние на процесс построения национальной идентичности.

В.В. Путин, придя к власти, уделил большое внимание такому аспекту, как государственная мемориальная политика, или политика исторической памяти. Он отошел от ставки на «негативную» идентичность, советский период отечественной истории объявлялся необходимым и полезным предшественником современного российского государства. «Реабилитация» Советского Союза началась с главного успеха, который не оспаривался даже в антисоветские 90-е, победы в Великой Отечественной войне.

«По сути, в каждой семье есть свои герои. Свои герои той жестокой войны. И эти знания, и эта память – бессмертны. А значит, бессмертно и величие Родины. Бессмертна гордость народная и русский патриотизм. И потому никакая сила не может победить русское оружие, сломить армию. Армию, в славной истории которой Брестская крепость и непокоренный Ленинград, суровый 41-й год и победный год 45-й. И теперь уже и бесчисленные подвиги солдат новой России. Этот дух, эта вера достались нам от вас, дорогие наши ветераны. Ваша судьба и ваши подвиги – лучшая школа жизни для нас. Пример для тех, кто поднимает наше новое сильное государство. Россия испокон веку была страной-победительницей» [8].

Начиная с 2001 года все значимые факты и даты советского периода, вызывающие гордость и патриотизм, стали «привязываться» к войне и Победе. Так, 7 ноября 2001 года в центральных СМИ «отмечалось» 60-летие ноябрьского парада на Красной площади 1941 года, который преподносился как символ несгибаемой воли и мужества народа в самый сложный период сражения под Москвой.

Венцом усилий В.В. Путина по преодолению исторических разрывов XX века стало его послание Федеральному собранию в 2005 году. В нем президент провозгласил, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [8].

Обсуждение

Вектор проблем в построении национальной идентичности сместился в проекцию будущего. За первые десятилетия нового века правительству удалось упорядочить прошлое и добиться успехов в настоящем, но будущее страны пока туманно. Руководству страны пока не удастся сформулировать матрицу национальной идентичности [9, с. 291–292] – систему символов и маркеров, вокруг которых строится политическое сознание людей, идентифицирующих себя с соответствующим государством. Открытым остается главный вопрос – целеполагание. Значение Цели состоит в том, что она, во-первых, задает общее направление развитию государства, определяет основные задачи текущей экономической, социальной и культурной политики правительства, а во-вторых, является важным связующим звеном межнациональных отношений. В условиях, когда общество мобилизуется на достижение результатов, выгодных всем этническим группам, проживающим на территории России. Эти отношения легко выстроить на основе взаимовыгодных компромиссов, не допуская ненужных эскалаций и провокаций.

Главная сложность, не позволяющая достроить матрицу национальной идентичности, состоит в смешении целей и задач развития страны. На практике это выливается в то, что решение отдельных задач, самих по себе правильных и необходимых, начинает противоречить декларируемым целям. Так, например, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 1 марта 2018 г. основной целью было названо развитие «человеческого капитала»: «Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, – я говорил уже об этом, – а прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека. Поэтому в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв» [10].

Однако «реализация» данной задачи вылилась в пенсионную реформу, в основе которой – повышение пенсионного возраста. Эта

мера никоим образом не может улучшить качество «человеческого капитала», а наоборот ведет к его деградации. И самому В.В. Путину приходится оправдывать действия правительства: «Сейчас Правительство проводит ряд необходимых болезненных, но вынужденных мер, связанных с пенсионным законодательством, с изменением пенсионного возраста. Во всех странах одно и то же. Кому понравится? Я прекрасно этих людей понимаю, кто недоволен... К 2024 году мы планируем выйти на 78 лет по продолжительности жизни, к 2030 году – 80 лет. Ну, неизбежно, нам придется, все равно вынуждены будем повысить пенсионный возраст, но тогда без всякого переходного периода, тогда без льгот, без сохранения льгот» [11].

Национальная (национально-государственная) идентичность является сложным феноменом индивидуального и массового политического сознания, закономерности функционирования которого раскрыты не полностью. В то же время структура этого феномена относительно проста. Образы прошлого, настоящего и будущего, взаимодействуя друг с другом в сознании людей, обеспечивают политическую идентификацию человека и/или группы и основу их взаимодействия с политическим институтом государства.

После разрушения СССР и государственность, и национальная идентичность в России находились в одинаково плачевном состоянии. Советская идентичность цеплялась за уже не существующее государство. В процессе построения новой национальной идентичности можно выделить на сегодняшний момент два этапа: 1990-е – «негативная» идентичность с преобладанием критики всего «советского»; начиная с 2000-х – поиск позитивных оснований идентификации (в том числе и в советском периоде истории).

Главная нерешенная проблема – отсутствие одобряемой всем обществом и четко осознанной Цели развития Российской Федерации как государства. От сроков решения данной проблемы во многом зависят перспективы развития российского общества и государства.

Библиографический список

1. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей [по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН 21–22 октября 2010 года)]. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–13.

2. Герштейн И.З., Казаков М.А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. 2016. С. 36–42.

3. Волков С.Ю., Помелова Ю.П. Национальная идентичность как научная категория // Огарев-online электронное периодическое издание для студентов и аспирантов. URL: <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2018/04/volkov-pomelova-1.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

4. Герштейн И.З. Государственная идентичность: сущность и механизмы функционирования // Время больших перемен: политика и политики: мат-лы Всероссийск. науч. конф. РАПН / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: РУДН, 2017. С. 88–89.

5. Васильев А.Д. Игры в слова: россияне вместо русских // Philology.ru: Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vasilyev-08.htm> (дата обращения 19.10.2018).

6. Грищенко А.И. К новейшей истории слова «россияне» // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 119–139.

7. Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение – ВЦИОМ-А. 2004. С. 272.

8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 25 апреля 2005 г. // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения 20.10.2018).

9. Попова О.В. Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: политика и политики: мат-лы Всероссийск. науч. конф. РАПН. М.: РУДН, 2017. С. 291–292.

10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/56957> (дата обращения 20.10.2018).

11. Заседание дискуссионного клуба «Валдай»: стенограмма [от 18 октября 2018 г.] // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58848> (дата обращения 20.10.2018).

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS
OF THE RUSSIAN SOCIETY**

ГРНТИ 02.61.25

УДК 130.2

О.Н. Новикова
(O.N. Novikova)
УГЛТУ, Екатеринбург

**ИГРОВОЙ ПРАКСИС В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА
GAME PRAXIS IN THE CULTURE OF POSTMODERN**

Понятие игры тотально присутствует во всех формах и сферах человеческой деятельности. Анализ концепта «игрового праксиса» в качестве модуса человеческого мироощущения сопряжен с жизненными процессами, реконструирующими сознание современника, идеализирующего неопределенность, поливариативность своего бытия. Современник ищет личностную жизненную константу в возможности самостоятельно манипулировать, играть смыслами, ценностями, культурными формами и нормами жизни.

The concept of the play is totally presented in all forms and spheres of human activity. Analysis of the concept of “play praxis” as a mode of human attitude is connected with life processes that reconstruct the consciousness of contemporary, who idealize the uncertainty and polyvariability of one's being. A contemporary looks for a personal life constant with possibilities of manipulating, playing with meanings, values, cultural forms and norms of life.

Ключевые слова: игра, власть, игровой праксис, культура постмодерна.

Keywords: play, power, playing praxis, postmodern culture.

Мировоззрение постмодерна, разочаровавшись в достижениях науки и техники, утратив гармонию и целостность мира, поддерживая иллюзию сверхвозможностей человека, устанавливает относительность, условность и субъективность самой жизни и имеющихся норм, правил и жизненных стратегий. Игровое начало пронизывает все виды и формы современной массовой культуры, транспонируя понимание мира и бытия в качестве полифункционального текста, сформировавшего новую реальность времени – виртуальную эстетику, этику жизни (Ж.Ф. Лиотар, Ихаб Хасан, Ж. Делёз, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Бодрийяр и др.). Стремление к созданию новой виртуальной реальности, как искусственно созданной некой реальности, помогает современнику породить

Иную реальность, в которой он достигает свои нереализованные желания и потребности.

Междисциплинарный характер изучения феномена «игрового праксиса» дает возможность использовать общенаучные и частно-научные методы исследования для выявления функционального наполнения игровым моментом повседневной жизни, в качестве механизма самосознания, самоопределения и самопрезентации человека постмодерна. Игра, как комплексное понятие, вбирает в себя огромное количество разнообразных смыслов, качеств и значений, функционирующих как в прямом, так и в переносном смыслах. Множественность подходов, методов и форм, применяемых современной наукой в качестве постижения, понимания смысла игры, объясняется многоликостью истинной сути. Так, философский подход, как наиболее рациональный и всеобъемлющий, предъявляет игру как фактор действия, деятельности, интегрирующей субъективные и объективные стороны бытия, без реализации конкретной продуктивной цели (Платон, И. Кант, Г. Гегель, И.Г. Фихте, Ф. Хайек, Ф. Шиллер и др.).

Современный культурологический подход базируется на идее, что человеческая культура, развиваясь через систему игр, формирует нормы, правила, ценности, стратегии и совокупности социальных ролей, необходимых для бытия человека (Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет).

Игра как акт самовыражения, как способ отображения субъективных чувств и эмоций, как форма социального взаимодействия рассматривается сторонниками психологического направления (З. Фрейд, Э. Берн, Д. Дьюи, Э. Эриксон, П.Ф. Лесгафт, Г.Л. Лэндрет и др.). Педагогическая мысль акцентирует внимание на возможностях игры в качестве обучающего и воспитывающего средства как способа личностного самоопределения и самосовершенствования, приобретаемого в непринужденной обстановке (И.Е. Берлянд, А. Валлон, Л.С. Выгодский, К. Гросс, Н.Я. Михайленко, А.Н. Леонтьев, Н.В. Рогалева, Г.С. Холл, Д.Б. Эльконин и др.).

Игра как модель конфликта рассматривается в математическом подходе, исследующем способы достижения некоего результата, в виде выигрыша, проигрыша или признания равенства, как фактора вероятности, игры случая (Дж. Нейман, О. Моргенштейн, Дж. Нэш, Э. Борэль, Г. Оуэн, Л.В. Тарасов, Е.С. Вентцель).

Социологический подход акцентирует внимание на смысловом значении игры в качестве формы социализации и самопрезентации личности. В рамках данного подхода была разработана теория

социальных ролей, сознательно разыгрываемых в том или ином типе общества (Э. Гофман, М.М. Бахтин, Ч. Кули, Дж. Мид и др.).

Как видно из выше перечисленного, культура постмодерна развивается в плюралистическом пространстве, допускающем различные понимания и толкования, где игра, как форма отношения к миру, позволяет рефлексивно интерпретировать инновацию. Ведь традиционно игра, являясь фундаментальной особенностью человеческого существования, определяет не только быт и нравы человека, но прежде всего способствует пониманию мира, себя и окружающих.

В культуре постмодерна потребительское мировоззрение констатирует игру как форму, вид потребления, где через игровую повторяемость человек учится раз за разом осваивать новые способы деятельности, возможности иного хода, факта или поступка. Характер и содержание игры поддерживается гедонистическим началом культуры (от греч. «наслаждение»), который дает человеку этическую установку на выбор наиболее доступных простейших форм деятельности, не требующих особых физических и интеллектуальных затрат, дающих удовлетворение и положительные эмоции.

Современник стремится получить власть над миром и другими через возможность навязывания своей воли, способности воздействовать на других людей. Он стремится контролировать все и вся, выбирая жизненной стратегией игровой праксис (от греч. *praxis* – «действие») как адекватно координированное действие целенаправленных двигательных актов.

Становление индивидуальности в игре происходит через виртуальную реальность, в которой человек осознанно создает условный мир, дающий ему иллюзорное восприятие реальной управляемой и безопасной жизни. Современная рефлексия игр нивелирует духовную основу, стимулирующую человека на развитие. Но она дает современнику пережить, то, что так не хватает в реальности: чувства, эмоциональные переживания, смысл и логику действий своих поступков, чувство творческой свободы и независимости от обстоятельств. Игровой праксис как целенаправленное координированное действие направлено на сокрытие истины, маскировку, манипулирование другими и растворение собственной индивидуальности для реализации прагматических жизненных стратегий.

Каждая эпоха поддерживается своей системой мифов, сознательно нагнетаемых властью. Лишая современника мировоззренческих оснований, таких как: мифология, философия, религия, наука, – культура постмодерна компилирует их инструментарий, предъявляя

его как некий симулякр, формирующий массовую культуру. Общество потребления держится на подражательном начале, на воспроизведении объектов или событий, симулирующих реальность, базируемую на мифе о человеке-игроке. Данный миф описывает идеального человека, чьим мотивирующим предпочтением становится индивидуальная игра, поддерживаемая эгоцентрическими установками: азартом, жаждой развлечений, превосходством над другими, – и утратой развивающего, созидającego смысла, ведь современнику дается право всю жизнь ощущать себя вечным ребенком.

Средства массовой информации, рекламные продукты сознательно нагнетают идею, миф, что жизнь – это игра. Власть через доступные ей социальные институты многократно тиражирует и рекламирует типаж человека, обеспечивающего существование конкретной политической системы.

Индустрия развлечений, раскрученная СМИ, распространяет идею о простом и эффектном способе проведения досуга – в казино, лотереях, игровых автоматах. Она дает попробовать на себе волю случая, предоставляя возможность получить ощущения другого, победителя, получившего награду, эмоциональное и материальное удовлетворение не благодаря навыкам и развитым способностям, а по воле случая, судьбы, фортуны.

Новые технологии порождают новые типы и виды игр – телевизионные, компьютерные, видеопрактики, игры производства и потребления, основанные на зрелищном акте. Так, современное телевидение превращает игру в документально-игровое действие, насаждающее иную модель человеческого поведения. СМИ уже не отражают действительность, они сами становятся действительностью, приобретая свойства реальности через компиляцию фактов. Осмысление фактов осуществляется через поверхностное суждение, ведь современнику информация интересна сама по себе, без понимания того, кто и зачем ее подготовил.

Многие формы человеческой деятельности, такие как труд, власть, любовь, смерть утрачивают свою глубину и значение, приобретая черты легковесности, развлечения, гламура, необязательности. Современник констатирует труд как время приятного досуга, приносящего доход. Он воспринимает институт власти как шоу, постановочный спектакль, развлекающий и позволяющий играть в себя. Понятие любви упрощается, замещаясь технологиями любовных игр, легкими, необязательными взаимоотношениями. Смерть перестала пугать своей фатальностью, окрашиваясь ореолом романтики и потусторонней тайны.

Игра меняет свою суть и константу, где азарт спортивной игры становится тяжелым профессиональным трудом, а традиционные формы обучения и воспитания из серьезного вида дела трансформируются в досуговую сферу услуг, формирующую интеллектуальный продукт как «особый вид игровых состязаний», нацеленный на эскапизм.

Релаксационная функция игры порождает такое новое творческое явление, как интерактивное кино, лекция, спектакль, где зритель становится непосредственным участником-координатором происходящих событий, по своему желанию моделирующим конечный результат. Игра становится структурной единицей времени, способом получения признания, фактором предсказуемости многочисленных контактов и взаимодействий, определяя жизненный путь каждого человека.

Достаточно вспомнить череду новостных программ и ток-шоу, основанных на фактах, сценах из реальной жизни современников. Эти программы выстроены на межсемейных конфликтах, личностных проблемах и житейских ситуациях. Так, посредством воздействия на эмоции и чувства зрителей происходит пропаганда стереотипов и имиджей, внедрение нужной поведенческой и социокультурной модели действий, усвоение фраз, слоганов и новых идей.

Стереотип, клише и псевдовещь становятся простейшей продуктивной игровой формой, ведущей к успешности и необходимым благам. Так формируется гламурный тип поведения, позиционирующий себя как элитарный, доступный только избранным.

Само понятие достаточно хорошо изученное аналитиками, среди которых – Е.П. Белякова, Ю.В. Ветошкина, М.Ю. Гудова, С. Диблс, Ю.О. Идлис, П. Котов, В. Ловицкий, Л. Рудова, Э. Танака, Д. Смирнова и др. Оно констатирует, что гламур – состояние внутренней притягательности, реализованное не только в факторах внешних воздействий (жестах, движениях, костюмах, мейкапе и т. д.), а прежде всего некий поведенческий стереотип, дающий уверенность человеку. Но сегодня гламурный образ становится симулякром, игрой в успешность.

Мотивация к получению удовольствия служит экспансивной практикой гламуру, выпестованным потребительским поведением.

Современник следует навязанному экранному образу, дресс-коду, чтобы найти работу, завязать межличностную коммуникацию, занять определенное положение в глазах других людей. Этот образ становится чем-то вроде внешней составляющей сущности человека, отличающей его от Другого, делающей его более ярким, запоминающимся. Современник, выбирая для жизни данный стиль, пусть даже

иллюзорно, приобретает возможность повысить свой статус через демонстративное «престижное потребление, деятельность на показ» [1]. Мир заставляет современника следовать стандартам и правилам: блеску, богатству, неувядающей молодости. Он становится новым конструктором, преобразователем жизни, выстраивающим свой путь бытия. Собственная самость предстает через возможность конструирования субъективных образов, таких как Свой, Иной, Чужой, Другой, в качестве аналога обезличенного Другого.

Пластическая хирургия в угоду гламурному образу создает новые уши, губы, грудь и т. д., корректируя телесность человека с точки зрения тиражируемого эталона, образца, подчас эпатирующего своим внешним видом. Гламур становится «избыточной самопрезентацией повторяемых образов «видимости» в темпоральном измерении фиксированного настоящего» [2, с. 78].

Новая поведенческая модель современности допускает победу в игре самого слабого участника через возможность избавиться от сильного, умелого и знающего игрока посредством голосования, ставки, договорных отношений с другими игроками, ради денежного приза, выигрыша, некоего бонуса. В современном игровом праксисе приветствуется нестандартный подход, смекалка, умение свои слабости демонстрировать как достоинства. Сам процесс игры оценивается не с точки зрения процессуальности, а как факт получения выигрыша, жажды азартных ощущений. Ведь потребление как образ жизни выстраивается на соревновательном начале за право борьбы, преодоление, соперничество, стремление к успешности.

Игра становится всеобщей формой потребления, где каждый игрок является развитым инструментом не только по способу потребления конкретного смысла, но и самостоятельно реконструирует новый смысл из частей проявления общественно-социального действия.

Потребительское мировоззрение, рассматривающее технологию как ценность и фактор повседневного бытия, определяет структуру и вектор развития современного общества. Информационные технологии становятся самым доступным методом и способом получения развлечения, отвлечения себя от тягот реальности рутины быта, быстрым способом удовлетворения своих потребностей через «цифровые услуги».

«Свобода и независимое самоуправление; вера в естественность и саморегулирование информационного сообщества; в равенство и полное отсутствие каких-либо ограничений, нематериалистический взгляд на человека, отрицание какого-либо физического насилия над

ним; холизм; отказ от потребительского отношения к идеям», таковы ценностные ориентиры информационной культуры, сформулированные Дж. П. Барлоу [3, с. 349–355]. Став идеологией, имеющей в своем арсенале инструментарий, дающий новые виртуальные переживания и ирреальные реальности, постмодернизм спроектировал иную форму человеческого общения в многослойной поливариативной медиасреде. Интерактивность компьютерных сред превосходит вместе взятые возможности всех видов искусств, ведь их потенциал нивелирует законы физики, морали и законодательства. Наслаждаясь картиной, прочитывая книгу, смотря кинофильм или спектакль, человек остается потребителем. Но он потребляет именно тот фон, контекст или смысл, который вложил автор произведения искусства. А в виртуальной игре он участник, непосредственный исполнитель, проживающий множество жизней, активатор виртуальной жизненной стратегии изнутри, чувствующий и воспринимающий ее на эмоциональном уровне, как в реальной жизни. Данные типы игр позволяют играющему стать Другим, постигнув искусство жизни Другого.

Имея в своем арсенале и предлагая потребителям уже готовые жизненные сценарии решений экономических, политических, социальных, культурных, личностных и прочих проблем, культура постмодерна не только предлагает варианты решения обстоятельств в конкретной сфере, выполненные профессионалами, но и позволяет самому человеку через коллективный разум найти выход из кризисных ситуаций. Wikipedia, Google, «Яндекс», DuckDuckGo, «Нигма» и другие поисковые системы наполняются информацией не только от создателей, но и допускают включенность любого пользователя.

Игровой праксис дистанцирует человека от последствий своих действий, позволяет ему овладеть и опробовать новые навыки, являясь пространством для экспериментов, комбинаторикой тех элементов, которые еще не были достигнуты. Повсеместно вводя в обыденную жизнь элементы игры, современник стремится почувствовать себя в иной роли, стать другим – Иным, тем, кем хотел бы казаться.

Сегодня игровой праксис характеризуется четко сформулированной целью и направлен на получение конкретного субъективного результата. Он становится способом антропологического самоопределения человека, возвращающего ему самого себя, собственное осознание «я Иной, я Другой». Игровой праксис гарантировано обеспечивает победу каждому игроку жизни в виде многообразных форм выигрыша. Современник экспериментирует со своей идентичностью через смену имиджей, трансформации ценностей с одной стороны,

вычлeняя свою индивидуальность, с другой – растворяя ее в толпе. Он в игровом праксисе приобретает тотальную власть как над самим собой, так и над собственной жизнью и миром.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
2. Борисова Т.В., Ларин А.П., Степанова О.С. Гламур под знаком техногенной цивилизации: научно-популярный труд. Самара, 2015. 141 с.
3. Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество. М., 2004. С. 349–355.

ГРНТИ 13.11.25
УДК 008.379.82

Е.Л. Яковлева
(E.L. Yakovleva)
ИЭУП, Казань

МЕРЦАЮЩИЙ КОНТУР ИГРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ GUNNING CIRCUIT GAME THROUGH THE PRISM OF NOVATION AND TRADITION

Объектом исследования становится игра, пронизывающая собой все культурные сферы. Приобретая в современности высокотехнологичный компьютерный формат, игра не только изменяет свой традиционный контур, но и влияет на игроков. Осуществление данной игры возможно только в виртуальном пространстве. При этом создается иллюзия реалистичности, виртуальности, что захватывает в плен игрока, развивая в нем электронную зависимость. Технологичность игры, влекущая за собой игнорирование функционирования воображения, значительно обедняет интеллектуальные, нравственные, творческие ресурсы личности, сужая горизонт возможностей и проявлений.

The object of the research is a game that permeates all cultural spheres. Acquiring a high-tech computer format in modern times, the game not only changes its traditional outline, but also it affects the players. The implementation of the game is possible only in the virtual space. It creates the illusion of realism of virtuality, which captures the player, developing in him/her electronic dependence. The manufacturability of the game, entailing a disregard for the functioning of the imagination, significantly impoverishes the intellectual, moral, creative resources of the individual, narrowing the horizon of its capabilities and manifestations.

Ключевые слова: игра, homo ludens, игрок, электронный кочевник, традиционная игра, компьютерная игра, воображение.

Keywords: game, homo ludens, player, electronic nomad, traditional game, computer game, imagination.

В современности наблюдается прорыв игрового начала, подчинившего себе практически все сферы культуры. *Игра* сегодня проникает в любой сегмент культуры и даже феномен, оказываясь их органичной составляющей. Объясняется подобное тем, что игра олицетворяет движение, являющееся ключевой характеристикой мироздания и бытия социального. Помимо этого, игра с ее универсальностью, пластичностью и многофункциональностью экзистенциально задана личности. Игра помогает индивиду войти в мир, вписаться и расположиться в нем.

Она оказывается мощным средством воспитания и образования, способствуя формированию интеллектуальных, нравственных, коммуникационных, профессиональных, эстетических и др. навыков. Игра предоставляет играющим огромный спектр возможностей: попробовать себя в новом качестве, потренировать способности, показать навыки, отдохнуть/взбодриться, получить заряд эмоций и пр. Выступая в роли духовного творения человечества, игра демонстрирует собственную *серьезную несерьезность/несерьезную серьезность*, оставаясь привлекательным феноменом культуры ввиду своей многогранности, неповторимости, импровизационности.

Пройдя длительный путь развития, игра в современности начала менять свой облик, подчиняясь влиянию высоких технологий и приобретая высокотехнологичный формат. Техно(цифро)кратизм современного социального привел к тому, что все большее количество игр становится компьютерными, осуществляясь в виртуальной среде. Вследствие этого игровой мир оказался нечеловекосоразмерным и гиперреальным, что повлекло за собой формирование нового типа игрока и складывания особых алгоритмов действий.

Перечисленные изменения и их сравнение с традиционными видами игры стали объектом исследования данной статьи. Основными методологическими принципами проведенного анализа можно назвать феноменологический и включенное наблюдение, позволившие провести сопоставление компьютерной и традиционной разновидности игры как культурного феномена.

К числу современных разновидностей игр, устойчиво занимающих высокие позиции в рейтинге популярности, можно отнести

компьютерные игры. Они, как и традиционные игры, оказываются точкой пересечения воображаемого и реального миров, обладая при этом специфичностью, обусловленной влиянием высоких технологий. В их временной координате *теперь* «сходится вся возможная Вселенная, чтобы стать единственной в своем роде действительностью того, кто живет только в этом действии» [1]. Другое дело, что воображаемое в таком типе игр оказывается не природным, а *технологизированным*. Последнее оказывается мощным источником трансформаций как самого феномена игры, так и *homo ludens* (человека играющего).

Представляя собой выход в Ничто, компьютерные игры «выстроили гладкую поверхность, бесконечный экран мира», в котором оказывается *возможным* «переживать, действовать и даже как-то организовывать себя, совершенствовать навыки, общаться с людьми, изменять свой статус» [1]. Но эти игры есть «мерцающий и непостоянный мир иллюзий», рождаемый машиной, что не способствует прикосновению к жизни и открытию тайн реального бытия [1].

Современный игрок, проводящий огромное количество времени за компьютером и другими гаджетами, приобретает новый модус идентичности, превращаясь в *электронного кочевника*. Данная идентичность указывает на технологичность личности, владеющей электронными устройствами и испытывающей потребность круглосуточного доступа к сети. Кочевник, неожиданно «лишаясь личностных характеристик, превращается в агента информационно-компьютерных сетей, его тело – в средство для сбора «данных», чтобы перенести их в Сеть» [2, с. 12]. Постоянное пребывание в сети формирует у кочевника электронную зависимость, но она не замечается ввиду раскрывающихся перед ним гиперреальных возможностей, дарящих множество разнообразных ощущений. Электронный кочевник извлекает «квант удовольствия из этой автоматизации быть не собой, быть другим, быть машиной в машине» [1]. Подчеркнем, собственная механистичность, связанная с автоматизмом действий, кочевником не замечается.

Кочевник оказывается замороженным колоссальными возможностями киберпространства и его симулятивностью, которые оказываются более привлекательными чем действительность и ее обозримые масштабы. Гиперреальность игрового мира способствует утрате чувства действительности, времени и пространства. Кочевник не замечает, что в виртуальном мире «вместо стен – экраны, вместо

жизненных предметных событий – так называемые медиафакты и информация» [2, с. 167]. Техносреда представляет игроку возможность выходить за пределы и перешагивать любые границы, бесконечно расширяя виртуальные миры. Увлеченность игровой средой в киберпространстве стирает границы между реальностью и игровым миром, буквально позволяя бытийствовать в виртуальности. Последняя, поглощая кочевника, предлагает ему разнообразный спектр услуг (обучение, трудовую деятельность, коммуницирование, удовлетворение потребностей, развлечения и пр.), не выпуская из своих объятий. Но выход в виртуальность оказывается выходом в пустоту, «не обусловленную природой, материей и обществом», приводя к потере Я/реальности и уходу *«от своего жизненного мира к Иному»* [2, с. 30, 32]. Игрок растворяется в цифровой матрице, подчиняясь заложенным в ней алгоритмам и функционируя как машина.

Игры в виртуальном пространстве разнообразны (например, выделим военные, ролевые, стратегические, логические, азартные, приключенческие игры, симуляторы, головоломки, shooter, игры на быстроту реакции и пр.). Они фантасмагоричны, технологичны, мобильны, интерактивны, результативны, что отвечает запросам современных игроков, ориентированных «на мгновенный результат» без «долговременного труда и ожидания» [3]. Посредством них игрок-кочевник самоутверждается, снимает напряжение, восполняет недостающее, проводит свободное время. Но, как правило, перечисленное оказывается только иллюзией: игрок-кочевник не испытывает удовлетворения, постоянно находясь в поиске новых игровых развлечений. В итоге компьютерный формат игр незаметно «превращается в своеобразный наркотик, формирует эмоциональную зависимость, которая подкрепляется доступностью и псевдореалистичностью виртуального пространства» [3]. Особый сегмент компьютерных игр составляют военные игры, обладающие агрессивным и разрушительным характером. Они оказывают не лучшее влияние на психику игрока, искажая его ценностную и нравственную шкалу. У игрока-кочевника складывается «стереотип равнодушного восприятия насилия», что рождает «агрессивное невежество» [4] и даже желание подражать увиденному. Перечисленное подавляет проявление индивидуальных (интеллектуальных/нравственных/профессиональных и пр.) качеств в жизнедеятельности личности, превращая ее в реальной жизни в без(д)умную марионетку.

Встает вопрос: чем отличаются компьютерные игры от традиционных и что теряется в современных играх?

Виртуальность взаимодействия в компьютерных играх приводит к потере непосредственных взаимодействий и контактов между игроками. В современности игроки оказываются в удаленном доступе друг от друга, иногда совершенно не зная друг друга в реальной жизни. Отсутствие партнера в непосредственной близости и контакт на расстоянии, где невозможно увидеть глаза, почувствовать энергетику тела и силу эмоций, усиливает эффект пустоты пространств, изматывающий игрока тотальностью Ничто. Отчужденность виртуального взаимодействия и расстояние между игроками, деформируя понимание командного духа, не формируют коммуникационной и нравственной культуры. Личность в виртуальной среде не получает навыка непосредственного взаимодействия в команде и не проявляет культуру соучастия, основанную на общении, эмпативности, толерантности и творческой активности. Теряется понятие *чистой игры*, базирующейся на принципах порядочности, справедливости, честности и добра. Игрок, пользуясь удаленностью оппонента, может нарушать игровые правила/условия, проявлять жульничество и мошенничество, остающиеся безнаказанными. Более того, отсутствие командного духа снижает потребность в соревновательности и самосовершенствовании, что не способствует созданию позитивного микроклимата в бытии самого игрока и не рождает удовлетворения.

Отождествление себя с компьютерным игровым персонажем и электронная зависимость приводят к стиранию границ роли и Я в реальной жизни, что способствует утрате самоидентификации. Злоупотребление игровой ролью влечет за собой определенные сдвиги в жизни и взаимодействии с людьми.

Компьютерный формат игры практически полностью игнорирует функционирование *воображения*. Хотя именно ему отведено особое место в традиционных играх. Воображение оказывается не только истоком и стержнем игры, но и стимулом к интеллектуальным, творческим и нравственным поискам личности. Я.Э. Голосовкер характеризует воображение как высший разум и интуицию личности, оказывающиеся одновременно ирреальными и реальными. Ресурсы воображения поддерживаются вдохновением, жизненным опытом и знаниями, которые, в свою очередь, помогают расширять действенность и эффективность воображения. Так, воображение, охватывая

бытие целиком и частями, «созерцает мир непосредственно», проникая «в суть стихийных отношений и мыслительных связей», а также наделяя их смыслом [5]. Полученные данные воображение творчески перерабатывает, комбинируя, интегрируя, создавая новое. Можно утверждать, что воображение оказывается значимым элементом познавательной, нравственной, эстетической, творческой и духовной практики личности, помогает освоить мир и понять Я/Других.

Именно силой воображения создается из небытия и превращается в особый мир инобытийности традиционной игры. Воображаемый мир традиционной игры способен расширяться и сворачиваться, что задается волей и сознанием человека играющего. При этом *homo ludens*, захваченный энергичностью воображения, «становится всецело имажинативной волей, умственной волей» [5], созидая неповторимый импровизированный сценарий по ходу действия игры.

Особое место здесь занимает *бриколажная техника*, основанная на случайности и активности. Дело в том, что случайность в традиционной игре оказывается действенной: игрок работает с любым подручным материалом и деталью, попадающими в оптику его внимания, моделируя каждый раз новое. В традиционной игре игрок действует и изменяется ситуативно: в заданный условиями и правилами план игры постоянно вносятся коррективы. Данное обстоятельство усиливает *неповторимость игры*, обладающей вариативностью благодаря множеству комбинаций действий. Таким образом, бриколажная техника в контексте игры оказывается целенаправленной, заставляя игрока воображать, думать, проявлять креативность и действовать.

Более того, воображение, создавая «новое, «небывалое», возможное, вероятное – наряду с невозможным» [5], помогает личности сконструировать идеальные миры, воплотив их в игре. Последняя, несмотря на противоречия и коллизии, всегда стремится к красоте и гармонии, являя собой идеальный образец. Игра, воплощая абсолют, реализует мечту об идеальном.

Безусловно, в компьютерных играх имеет место *творческий компонент*, способствующий моделированию ситуаций/конструкций и пр. Но он оказывается технологизированным, что позволяет назвать его *креативным меонизмом* (В.А. Кутырев). Игрок, «уничтожая природу, создает «рукотворный» космос (возможные виртуальные миры)» [4, с. 38], оказываемые заданными алгоритмами программного обеспечения (компьютерная игра, в первую очередь, –

это программа). Таким образом, в компьютерных играх творчество подменяется иллюзией творчества/симуляцией, что разрушает функционирование воображения.

Естественность рождения традиционного игрового мира посредством воображения удерживает игрока в бытии, не отчуждая от него, заставляя действовать и принимать решения в нем. Более того, в воображаемом мире традиционной игры *homo ludens*, не опосредованный действием технологизированных алгоритмов, пробует себя в различных амплуа, осуществляя самостоятельно выбор. Игрок без посторонней помощи, лично/сообща с другими игроками меняет содержание и направление игры. Выбор игровых алгоритмов и проявлений в традиционной игре оказывается естественным: он «мгновенен, совершается без размышлений, само собой», «точен и логичен» [5]. Огромную роль в этом играет механизм воображения и сопутствующее ему вдохновение и бриколажная техника, помогающие воплощать задуманное в жизнь.

Традиционная игра оказывается площадкой, на которой присущее личности воображение оттачивает свое мастерство, распространяясь на другие сферы жизнедеятельности. Развитость воображения и его функционирование являются мощной потенциальной силой индивида, способного проявить себя в любой (даже затруднительной) ситуации. Благодаря развитому в игре воображению личность создает комфортный микроклимат собственного бытийствования и творчески подходит к самосовершенствованию.

В заключении обратим внимание на следующие важные моменты. В современной культуре все большее место отводится компьютерным играм. Они начинают незаметно, но властно вытеснять традиционные игры. Данный процесс обладает неоднозначными последствиями.

Компьютерные игры, увлекая своей технологичностью, отвлекают игрока от реальной жизни, способствуя его неполноценным/мерцающим проявлениям в бытии. Из социального постепенно уходит в небытие пласт уличной культуры с ее играми, пребыванием на воздухе и физической активностью. Компьютерные игры чаще закрывают игрока в замкнутых пространствах наедине с собой и иллюзией группового взаимодействия. Компьютерные игры отчуждают игрока от реальности, рождая зависимость от виртуального мира, создают видимость действительности и подлинности. У игры теряется строго отведенное ей пространство и время, что делает

возможным доступ к ней в любом месте и любое время. Компьютерные игры игнорируют функционирование воображения, что негативно сказывается на интеллектуальных, нравственных и творческих способностях игрока. Мир игрока ограничивается миром виртуальной реальности, что способствует его потере в мироздании, ограничивает жизненный опыт и умение действовать в реальной жизни.

Постоянное времяпровождение за компьютером меняет мировидение личности, которая начинает воспринимать гиперреальность и ее симуляции в качестве действительности, что отражается на психике. Симуляции гиперреальности разрушают подлинное бытие.

У игрока-кочевника снижается физическая активность, что приводит к проблемам со здоровьем (ухудшается зрение, изменяется осанка и пр.).

Традиционная игра, несмотря на свою архаичность, оказывается более многогранной, предоставляя неограниченную свободу игроку в выявлении собственных возможностей и ресурсов. Она базируется на реальном движении, обучая активности, внимательности, концентрации сил и энергий. Непосредственное взаимодействие с другими игроками в игровом процессе формирует коммуникативные способности, ответственность и нравственность, состязательный аспект, умение стратегически и креативно мыслить, не теряя связи с реальной жизнью. Традиционная игра дарит удовлетворение, внося позитивные эмоции в жизнь личности.

Перечисленное подводит к выводу о сохранении пространств традиционной игры и ограничении компьютерных игр в бытии личности.

Библиографический список

1. Шевцов К.П. Компьютерные игры как предмет философского анализа // Вестник СПбГУ. 2016. № 1. С. 98–103.
2. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. 312 с.
3. Павловский В.В. Компьютерная игра как индикатор социально-психологических установок общества. М., 2001.
4. Кортунов В.В. Телекоммуникационные вызовы мировоззрению российского общества // Сервис plus. 2013.
5. Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют // Логика мифа. М., 1987. 318 с.

ГРНТИ 00.45

УДК 378.147

Л.А. Киселева
(L.A. Kiseleva)
УГЛТУ, Екатеринбург

**МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ
METHODS AND WAYS OF FORMATION OF GENERAL
CULTURAL COMPETENCES IN THE PROCESS
OF STUDYING OF SOCIOLOGY**

Статья посвящена методам и способам формирования общекультурных компетенций в процессе изучения социологии в техническом вузе. Автор приводит результаты собственного социологического исследования, которое проходило в 2 этапа. На первом этапе было опрошено 255 студентов Уральского федерального университета, Уральского государственного лесотехнического университета, Горного университета. На втором этапе было проведено полуформализованное интервью с преподавателями вышеуказанных технических вузов. Дается сравнительная характеристика мнения преподавателей и студентов о роли изучения социологии в техническом вузе, а также о методах и способах обучения.

The article is devoted to the methods and ways of formation of general cultural competences in the process of studying sociology at a technical university. The author presents the results of his own sociological research, which took place in 2 stages. At the first stage 255 students of Ural Federal University, Ural state forest engineering University, Mining University were interviewed. At the 2nd stage, a semi-formalized interview with the professors of the above-mentioned technical universities was conducted. The comparative characteristic of the opinion of professors and students about the role of sociology in technical universities, as well as methods and ways of teaching is given.

Ключевые слова: методы обучения, общекультурные компетенции, анкетный опрос, процесс изучения социологии, интерактивные методы, деловые игры, ролевые игры, групповые дискуссии, выступление с докладом, полуформализованное интервью.

Keyword: teaching methods, general cultural competence, questionnaire survey, the process of studying sociology, interactive methods, business games, role-playing games, group discussions, presentation, semi-formalized interview.

Современное общество предъявляет особые требования к подготовке инженеров, которые должны не только владеть профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и обладать общекультурными ценностями, уметь взаимодействовать с людьми, быть толерантными.

Компетентностный подход в образовании устанавливает новый тип образовательных результатов, которые называются компетентностями и ориентирует систему образования на обеспечение качества подготовки в соответствии с потребностями современного общества. Одной из задач, стоящей перед инженерным образованием, является формирование общекультурных компетенций [1].

Социология является дисциплиной гуманитарного цикла, которая формирует такие общекультурные компетенции, как *«умение работать в команде, толерантно воспринимать социальные, этнические и культурные различия», «общекультурные компетенции социального взаимодействия: готовность к сотрудничеству, умение погашать конфликты, коммуникативность, социальная адаптация», «способность к самоорганизации и самообразованию»* [2, 3].

Чтобы охарактеризовать способы и методы формирования общекультурных компетенций обучающихся технического вуза в процессе изучения социологии, мы провели исследование, которое состояло из двух этапов.

На первом этапе было проведено тематическое полуструктурированное интервью с преподавателями трех технических вузов (Уральского государственного лесотехнического университета, Горного университета, Уральского федерального университета). Преподаватели выступили в качестве экспертов, так как имеют богатый образовательный опыт. Более того, формат полуструктурированного интервью позволяет рефлексировать по поводу собственной деятельности. Был поставлен следующий исследовательский вопрос: как формируются общекультурные компетенции в техническом вузе при изучении социологии.

6 экспертам был задан примерно одинаковый перечень вопросов, поэтому мы выделили общие категории и провели анализ интервью.

На втором этапе исследования был проведен анкетный опрос обучающихся Уральского государственного лесотехнического университета, Горного университета, Уральского федерального университета.

Целевая выборка – 255 человек, которые изучали социологию. Из них 103 респондента – обучающиеся УГЛТУ, 86 респондентов – Горного университета; 68 респондентов – Уральского федерального университета. Опрошенные учились с 1 по 4 курс по одним и тем же направлениям подготовки: «Химическая технология», «Техносферная безопасность», «Строительство», «Наземные транспортно-технологические комплексы», «Землеустройство и кадастры», «Экология и

природопользование», «Управление персоналом» (по отраслям). Цель анкетирования – изучить представления обучающихся технических вузов о роли изучения социологии. Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели.

Результаты

Как показал анкетный опрос, молодые люди считают, что необходимо изучать социологию в вузе по их направлению подготовки (среднее значение составляет 1,2: при +2 – «да»; при -2 – «нет»).

Как показал анализ интервью с преподавателями, респонденты нацелены на развитие личности обучающихся, формирование их социологического мировоззрения, критического мышления, что, на наш взгляд, соответствует сложившимся в системе высшего образования традициям.

Цели преподавателей практически совпадают с ожиданиями обучающихся от курса социологии. Среди положительных сторон изучения данной дисциплины 201 человек назвал «взаимодействие в коллективе» (62,02 % от числа ответивших), «понимание социальных процессов, происходящих в обществе» (56,25 % от числа ответивших), «развитие коммуникативных качеств» (48,56 % от числа ответивших), «овладение опытом анализа и обобщения фактов общественной жизни» (47,12 % от числа ответивших).

Анализ распределения ответов на данный вопрос по вузам дает основания полагать, что эта переменная не влияет на мнение респондентов по поводу положительных сторон изучения социологии. Однако среди обучающихся есть критическое отношение к изучению социологии.

Среди отрицательных сторон изучения дисциплины 54 респондента называют следующие: «Социологические знания не имеют прямого отношения к моей будущей профессии» (отметило 10 % от числа опрошенных), «Я уже имею определенный социальный опыт, которого мне достаточно» (5 % от числа опрошенных), «Социология мне неинтересна» (4 % от числа опрошенных).

Исходя из целей изучения социологии, преподаватели выбирают методы формирования общекультурных компетенций. Это *подготовка докладов и презентаций, групповая работа, деловые игры, дискуссии, кейс-стади, эссе*.

По мнению преподавателей, одна из задач педагога – заинтересовать дисциплиной. Интерес здесь выступает как способ формирования общекультурных компетенций. И чтобы вызвать интерес

к социологии, необходимо чередовать различные методы групповой и индивидуальной работы.

Как показал анализ результатов анкетирования, преобладающим методом обучения, по мнению обучающихся, остается выступление с докладом (60 %), на втором месте – групповые дискуссии (50,59 %), на третьем – деловые и ролевые игры (33,33 %) (рис. 1).

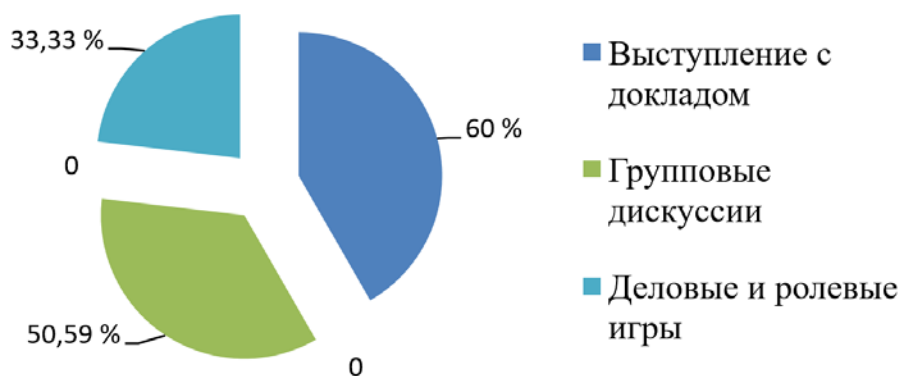

Рис. 1. Методы, которые чаще всего используются на занятиях (по мнению обучающихся)

Анализ данных показывает, что, по мнению обучающихся, выступление с докладом как метод используется чаще всего на занятиях по социологии во всех трех вузах. А вот интерес вызывают как раз групповые формы – групповые дискуссии (набрали 53,33 %), деловые и ролевые игры (46,67 %), мозговой штурм (28,63 %) (рис. 2).

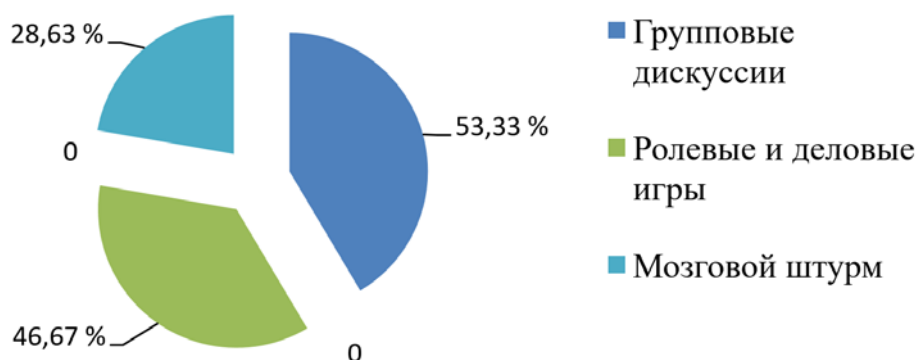

Рис. 2. Методы, которые нравятся обучающимся

Именно поэтому обучающиеся отмечают, что легче всего им дается выступление с докладом (33,33 %), обсуждение социальных проблем в групповых дискуссиях (46,27 %), участие в ролевых и деловых играх (34,12 %).

Таким образом, представления преподавателей и обучающихся о методах изучения социологии не совпадают. Молодым людям нравятся интерактивные методы обучения, а преподаватели, несмотря на использование интерактивных методов, все же больше практикуют традиционные методы обучения: выступление с докладом, презентацией, сообщением.

Думается, это связано прежде всего с тем, что сами преподаватели получили образование в рамках традиционной школы, когда использовался знаниевый подход. Этот же традиционный подход в обучении преподаватели используют и в своей работе: все сводится к передаче готовых знаний от учителя к ученику. Эксперты отмечают, что *«цель обучения – расширение социологического мировоззрения, а у нас все сводится к передаче теоретических знаний... передаче готовых знаний»* (И1, стр. 30, 51).

Таким образом, после перехода от знаниевого к компетентностному подходу преподаватели не полностью перестроились, хотя прекрасно владеют информацией о содержании данного подхода, видят в нем практико-ориентированный компонент, деятельностьную составляющую (*«Знания могут быть реализованы через различные виды деятельности – имитационной, самостоятельной...»* – И2, стр. 56–58; *«В компетентностном подходе так: я узнал, понял, умею делать как...»* – И1, стр. 45–47; *«Тут практический аспект выделен»*. – И3, стр. 28).

Групповые формы работы требуют большей подготовки и эмоциональных затрат, что не всегда реально в условиях большой загруженности и эмоциональной усталости преподавателей. Эксперты отмечают, что интерактивные формы работы *«требуют много времени и сил, все упирается во время, если у тебя их 100 человек...»* (И1, стр. 44–47).

Доклад часто заменяется формальным выступлением. По замечаниям экспертов, *«это своеобразное утешение, когда студент выступает с докладом, а преподаватель в это время отдыхает»* (И3, стр. 233).

Кроме того, не со всеми группами можно использовать командные формы работы. Как считают эксперты, *«студенты не всегда могут включиться в работу, можно пошуметь, что-то выкрикнуть... а здесь нужно обоснованное мнение»* (И3, стр. 245–247).

Интерес к дисциплине могут вызвать не только методы обучения, но и круг тем, выбираемых для обсуждения на занятиях по социологии. По мнению экспертов, необходимо ориентироваться на интересы

обучающихся (*«Я даю им список тем, и они выбирают, что им интересней»*. – И1, стр. 65», *«Берем тему, понимая, насколько она актуальна... то, что вам [студентам] интересно»*. – И5, стр. 19–20).

По мнению обучающихся, им интересны следующие темы: *молодежь, социальная мобильность, социальные конфликты, социализация личности*. При ответе на открытый вопрос: на какую тему вы провели бы занятие по социологии в день самоуправления, они также указывают эти темы: *«Социальные конфликты», «Социализация личности», «Социальная мобильность»*, а также уточняют тему *«Молодежь»*, связывая ее с политикой (*политическая активность молодежи, взгляды молодежи на политику, влияние политики на молодежь*).

Таким образом, при разработке учебно-методических комплексов необходимо учитывать интерес молодых людей к вышеперечисленным темам и включать их в качестве проблемных вопросов в практические занятия по социологии.

Согласно рекомендациям разработчиков стандартов высшего образования, при составлении рабочих программ необходимо учитывать особенности будущей профессии обучающихся.

По мнению опрошенных всех трех вузов, на их занятиях специфика будущей профессии не учитывается (среднее значение составляет 0,3: при +2 – «да»; при -2 – «нет»).

По мнению преподавателей-экспертов, *«социолог, который ведет занятия, имеет туманное представление об особенностях профессии студентов»* (И1, стр. 62–72).

Как считают эксперты, по сути, это должно быть отражено в рабочих программах. При этом наш анализ УМК трех вышеуказанных вузов показал, что в рабочих программах не отражена специфика того или иного направления подготовки. Такую специфику невозможно отразить, не имея взаимодействия между невыпускающими и выпускающими кафедрами. Между тем, выпускающие кафедры могли бы обозначить свои пожелания к особенностям подготовки и к результатам формирования компетенций.

Согласно ФГОС высшего образования, в результате изучения социологии у обучающихся должны быть сформированы компетенции социального взаимодействия.

По мнению преподавателей-экспертов, общекультурные компетенции (ОК) нужно замерять в начале и в конце обучения, чтобы выявить динамику развития. Сформированность ОК зависит от форм работы: в групповых формах критериями сформированности являются

умение построить коммуникацию, способность находить управленческие решения, уважение другой личности, умение адаптироваться. В индивидуальных формах работы важны навыки работы с информацией, умение ее интерпретировать, ее полнота, умение аргументировать свою точку зрения. Значимым критерием во всех формах работы является владение понятийным аппаратом.

Такое мнение преподавателей о результатах изучения социологии можно объяснить следующим обстоятельством: стандарты второго поколения включали в себя такие компетенции, формируемые социологией, как *«способность к обобщению, анализу, восприятию информации»* и *«способность анализировать социально значимые проблемы и процессы, готовность использовать на практике методы гуманитарных и социальных наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности»*, которые как раз больше соотносятся с результатами изучения данной дисциплины, а также с целями и задачами, названными преподавателями-экспертами.

Эти компетенции исчезли из стандартов третьего поколения, и появились новые, которые направлены в большей степени на социальное взаимодействие.

Интересно, что молодые люди на вопрос, чему они должны научиться в первую очередь при изучении социологии, отдали приоритет тем же критериям, которые озвучили преподаватели. Оценивая критерии по 5-балльной шкале, обучающиеся отметили:

- «опыт взаимодействия с другими людьми» (среднее значение – 4,3, где минимальное – 1, максимальное – 5);
- «умение аргументировать свою точку зрения» (среднее значение – 4,3, где минимальное – 1, максимальное – 5);
- «умение работать в команде» (среднее значение – 4,2, где минимальное – 1, максимальное – 5);
- «умение анализировать факты общественной жизни» (среднее значение – 3,8, где минимальное – 1, максимальное – 5);
- «владение социологическими понятиями» (среднее значение – 3,2, где минимальное – 1, максимальное – 5).

Следует еще добавить, что обнаруживается совпадение критериев, предложенных преподавателями, с теми качествами, которые указали обучающиеся в ходе анкетного опроса при описании профессиональной модели выпускника.

Получается, что и преподаватели, и обучающиеся говорят об одних и тех же качествах, которые заявлены в стандартах инженерного образования как общекультурные компетенции социального взаимодействия.

При описании профессиональных качеств выпускника написали свой вариант ответа в открытом вопросе 75 % респондентов от общего числа опрошенных. 30 % респондентов указали следующие качества: *коммуникативность, коммуникабельность, умение работать в команде, управленческие способности, умение разрешать конфликты, умение организовывать работу людей*, – это как раз те качества, которые, согласно стандартам и рабочим программам, формирует социология.

24 % опрошенных указали такое качество, как *ответственность*, 23 % – такое качество, как *образованность*, и только 22 % респондентов отметили профессиональные качества, такие как: *квалификация, профессиональные знания, компетентность в работе*.

Подводя итоги, можно сказать, что не все наши гипотезы подтвердились. Действительно, различий между представлениями преподавателей разных технических вузов о целях, задачах и методах обучения в ходе исследования обнаружено не было.

Ожидания молодых людей и преподавателей от изучения социологии совпадают: и те и другие нацелены на процессы взаимодействия в коллективе, понимание социальных процессов, происходящих в обществе, на развитие коммуникативных качеств, анализ и обобщение социологической информации.

Не совпадают представления обучающихся и преподавателей о методах обучения. Интерес у молодых людей вызывают командные формы работы, а преподаватели, несмотря на использование групповых методов, все же чаще применяют традиционные индивидуальные методики – выступление с докладом, презентацией, сообщением.

И обучающиеся, и преподаватели считают, что на занятиях не учитываются особенности профессии будущих выпускников. Преподаватели это объясняют тем, что они не успевают получить информацию в силу загруженности и невозможности взаимодействия с выпускающими кафедрами. Правда, предлагают решение этой проблемы путем использования эмпирического материала из той сферы, в которой молодые люди будут работать, чтобы на сферу своей деятельности они посмотрели глазами социологов.

Особых различий во мнениях по поводу целей и методов изучения социологии у обучающихся различных технических вузов мы не увидели. Молодые люди всех трех технических вузов видят положительные стороны изучения социологии, проявляют интерес к групповым формам работы на занятиях, им интересны одни и те же темы.

Библиографический список

1. Осадчая Г.И. Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социс. 2009. № 2. 160 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 08.03.01 «Строительство». URL: <http://www.edu.ru> (дата обращения: 12.10.2017).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность». URL: <http://www.edu.ru> (дата обращения: 12.10.2017).

ГРНТИ 14.07.03

УДК 37.036

Л.Л. Боровских
(L.L. Borovskih)
УГЛТУ, Екатеринбург

**ФОРМИРОВАНИЕ У БАКАЛАВРОВ ВУЗА ЭСТЕТИЧЕСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТОВ ИСКУССТВА
С ЦЕЛЬЮ ПРИОБЩЕНИЯ ИХ К ОБЩЕКУЛЬТУРНЫМ
ЦЕННОСТЯМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ
THE FORMATION OF AESTHETIC PERCEPTION
OF ART OBJECTS, WITH THE AIM OF FAMILIARIZING WITH
CULTURAL VALUES AND NATIONAL TRADITIONS
BACHELORS OF THE UNIVERSITY**

В статье рассмотрена проблема эстетического восприятия объектов искусства, как составляющая часть формирования «образовательной среды вуза», которая в свою очередь включает художественно-эстетическую среду вуза в целом.

The article deals with the problem of aesthetic perception of art objects as a component of the formation of the «educational environment at University», which includes the artistic and aesthetic environment of the University in general.

Ключевые слова: образовательная среда вуза, художественно-эстетическая среда, эстетическое восприятие, художественное восприятие.

Keywords: educational environment at university, artistic and aesthetic environment, aesthetic perception, artistic perception.

В современных условиях подготовка бакалавров в туристской отрасли должна соответствовать нормативным документам (ФГОС, ОПОП и т. д.), которыми определяется объем знаний и навыков будущих специалистов. Одним из условий формирования определенных качеств обучающихся является создание так называемой «образовательной среды вуза», которая в свою очередь включает художественно-эстетическую среду [1].

«Образовательная среда» является, с точки зрения разных ученых, потенциалом высшего учебного заведения, определяющим стиль, жизненный уклад и «лицо» данного учреждения с его индивидуальностью. По мнению Е. Бондаревской, культура и образование взаимосвязаны между собой, что позволяет активно осуществлять процессы социализации в обществе в определенной культурной среде, результатом чего является образование и воспитание «человека культуры» [2].

Эстетическая развивающая среда – это определенный культурно-общественный феномен, обладающий высоким потенциалом развития эстетической культуры, творческой мотивации субъектов образовательного процесса, приобщения к общекультурным ценностям и национальным традициям [3].

Проблема эстетического восприятия во все времена занимала умы философов, психологов и педагогов. Она нашла отражение в разных работах И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, Т. Липпса, В. Вундта, М.М. Бахтина, Л.П. Печко, Г. Гадамера, А.И. Бурова, А.Ф. Еремеева, Б.М. Теплова, П.М. Якобсона, Е.М. Торшилова и других ученых. Определяя подходы к решению проблемы эстетического восприятия искусства, они затрагивали вопросы развития и самосознания ребенка, что позволило получить информацию о возрастных этапах и отдельных видах восприятия, о факторах, способствующих развитию самосознания детей [4, 5, 6].

Становление художественно-эстетического восприятия не является особенностью развития ребенка только в детском и подростковом возрасте. Формировать эстетическое восприятие можно и необходимо в любом возрасте и на любом уровне получения образования.

Считается, что *восприятие* – это процесс отражения в сознании человека предметов и явлений реального мира в их целостности, в совокупности их различных свойств и частей, при их непосредственном воздействии на органы чувств. По мнению А.А. Бодалёва (1983 г.), восприятие не сумма ощущений, получаемых от того или

иною предмета, а качественно новая ступень чувственного познания с присущими ей способностями.

Возможно, значит, развить у бакалавров эстетическое восприятие с помощью создания эстетической развивающей среды, которая, в свою очередь, будет включена в более широко понятие «образовательная среда вуза».

Другими словами, мы можем сказать, что эстетическое восприятие искусства или любого другого объекта зависит от эмоциональной реакции человека на воспринимаемое явление. Формирование эстетического восприятия обучающихся в образовательном процессе основывается на взаимодействии рационального и чувственного познания. Чувственное познание возникает при непосредственном наблюдении и восприятии объекта, а реальное познание носит обобщающий характер. Результатом рационального познания является рациональное мышление, тогда как чувственного познания – чувственный опыт.

Взаимосвязь между этими познаниями очевидна, так как «чувственный опыт из совокупности разрозненных непосредственно воспринимаемых явлений преобразуется при посредстве эмоционально переживаемого акта озарения (интуиции, воображения) в целостное рациональное образование, в содержательную форму понятия» [7].

В результате этого чувственный опыт становится осмысленным. Формирование эстетического восприятия у обучающихся позволяет решить задачи создания опыта восприятия художественных образов и развитие способности воспринимать образы с позиции их объективной и субъективной эстетической ценности.

Уровень художественных способностей обучающихся не ограничивает их участие в художественно-эстетической деятельности, так как имеет много разных видов.

Развитие творческих и художественно-эстетических компетенций личности происходит в процессе освоения дисциплин гуманитарно-художественного цикла, в основе которых – формирование художественно-эстетических ценностей на материале художественных стилей и мировоззренческих концепций. Для реализации и повышения воспитательного потенциала можно использовать следующие методы: применять накопленные в процессе обучения, порожденные искусством знания обучающихся; для реализации приобретенных знаний и навыков эстетического восприятия и развития способности к ценностной интеграции художественных явлений организовывать

внеаудиторные креативные занятия; осуществлять диалог между преподавателем и обучающимися как средство художественно-эстетической коммуникации.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование эстетического восприятия объектов искусства у бакалавров вуза в процессе обучения – одна из задач современного образования.

Библиографический список

1. Характеристика понятия «Художественно-эстетическая среда вуза» / С.Ф. Масленникова, О.А. Бормотова, Л.Л. Боровских, А.А. Масленникова // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 12. С. 103–110.

2. Введение в педагогическую культуру: учеб. пособие / Рос. акад. образования, Юж. отд-ние, Рост. гос. пед. ун-т; Е.В. Бондаревская [и др.]; под общ. ред. Е.В. Бондаревской. Ростов н/Д: РГПУ, 1995. 170 с.

3. Русакова Т.Г., Бреусова Т.А. Эстетическая развивающая среда образовательного учреждения поликультурного региона: компоненты, функции, критерии оценки // Вестник ОГУ: электронное периодическое издание. 2011. № 9 (128). С. 125–129.

4. Тагильцева Н.Г. Эстетическое восприятие искусства как фактор воспитания самосознания школьников: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2002. 330 с.

5. Боровских Л.Л. Формирование эстетического восприятия у студентов // Система оценки квалификации в развитии вузовского образования России и зарубежных стран: мат-лы Рос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2018.

6. Дмитриева Е.Н., Левит Е.И. Искусство как источник формирования эстетической культуры студентов в образовательном процессе вуза // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9540> (дата обращения: 31.10.2018).

7. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности / АН СССР; Институт психологии. М.: Наука, 1986. 176 с.

ГРНТИ 13.91:13.01.11

УДК 008:39

А.В. Березина
(A.V. Berezina)
УГЛТУ, Екатеринбург

**РЕГИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ
МАРИЙЦЕВ УРАЛА
CULTURE OF THE MARI OF THE URALS
AS A REGIONAL AND ETHNIC TYPE**

В данной статье обосновывается подход к изучению культуры уральских мариЙцев как культуры регионально-этнического типа. Данный подход помогает выделить те факторы, которые влияют на трансформацию культуры, придают ей особый региональный колорит.

This article substantiates the approach of studying the culture of the Ural Mari people as a culture of regional-ethnic type. This approach helps to identify those factors that influence the transformation of culture and give it a special regional color.

Ключевые слова: этнос, культура, регионально-этнический тип культуры, уральские мариЙцы, межкультурное взаимодействие.

Keywords: ethnos, culture, regional-ethnic type of culture, Ural Mari, intercultural interaction.

Культурологическая методология исследования предполагает изучение этнокультуры в совокупности ее лингвистических, исторических и политико-экономических аспектов через отражение в музыке, мифах, сказаниях, песенном творчестве и в повседневности. Такой подход требует не только выработки определенного методологического ракурса, но и наличие собранного исторического, этнографического, лингвистического и фольклорного материала.

Как известно, проблема метода исследования – это проблема выбора категориального аппарата и критериев оценки полученных данных. Ведущими категориями данного исследования являются культура и этнокультурная идентичность. И хотя все эти понятия разрабатывались и дискутировались многочисленными научными школами и направлениями в общественных науках, своего окончательного определения они до сих пор не получили.

Традиционно в российской науке придерживаются определения этноса, данного в Новейшем философском словаре: «*Этнос* (греч. *ethnos* – «группа, племя, народ») – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием» [1].

Сложность обращения к этому определению выражается в том, что оно лишено конкретики и приводит к рассмотрению того, что допустимо именовать «культурой», «длительным совместным проживанием», «культурной идентичностью», «самосознанием».

Мы придерживаемся определения этноса как основного логотипа культуры в совокупности его языковых, историко-культурных, традиционных и повседневно-практических особенностей.

В современном мире с его требованиями унификации и стандартизации, с распространением массовой культуры возникли новые исследовательские теории и подходы к изучению культуры этносов, собран обширный антропологический материал в различных концах света. Интерпретируя его, исследователи используют не только разнородный категориальный аппарат, но и дают противоположные сценарии будущего развития этнокультур. Это детерминировано тем, что «культуру» как одну из важнейших универсалий и рабочего понятия для проведения исследовательской работы в социальных и антропологических науках определяют неодинаково, исходя не только из различного предмета исследования, но и из различных критериев, которые являются рабочими для данной исследовательской деятельности.

Для данного диссертационного исследования, опираясь на определение К. Гирца [2], в котором он допускает, что в решающих исторических событиях, которые определяют дальнейшую судьбу этноса или человека, проявляются особенности этой культуры, характеристики ее фундаментального уровня, выработаем свое рабочее понимание культуры для понимания и отличия «живой», ныне действующей культуры, от «археологической». Под *культурой* мы понимаем набор исторически, социально, географически сложившихся символов и знаков, в которых содержится реализующаяся как в практической деятельности, так и в материальном мире вещей мировоззренческая система, определяемая смысложизненными ценностями и ценностными ориентирами. При этом только практическая деятельность самих поколений на протяжении веков определяет значимость сохранения этих смысложизненных ценностей и трансляции ценностных ориентиров и, таким образом, их устойчивость.

Отталкиваясь от идей А. Маслоу, подчеркнем, что на гребне филогенетического подъема, потеряв постепенно все животные инстинкты, человек приобретает культуру в качестве орудия адаптации [3, с. 62]. А. Маслоу характеризует культуру как систему конструирования таких условий, при которых культура становится

в определенном смысле методом создания способов самосохранения и выживания общностей. Еще ранее было отмечено О. Шпенглером, что первостепенное значение для любой культуры имеет история «совокупного бытия», которая создает образ мира в сознании определенной группы людей, объединенных «единствами душевными» [4, с. 27]. Самое главное, подчеркивает автор этих строк, – это единство души. Народы стали тем, кем они стали благодаря единству судьбы, которая их постигла. Сформированный таким образом уникальный тип культуры, бесспорно, возможно назвать этнической культурой, которая изначально целостна в единстве формирования ее компонентов.

Таким образом, *этническая культура* – это социальные, духовные и материальные условия, обеспечивающие во всей их совокупности принятый народом способ жизни. Этническая культура наиболее ярко заявляет о себе в таких областях, как народная религиозность, язык, а также в установленном укладе быта, будничных действиях, обычаях, традициях, типичных психологических и этических чертах ее носителей. Ее атрибутами становятся свойственные ей типы этнической одежды, пищи, убранства жилища, музыкального и танцевального творчества. Атрибутика призвана сохранять этнические корни и стержневые ценности и передавать их в символическом образе (желательно в неизменном виде) следующему поколению, поэтому этническая культура несет в себе достаточную долю архаики. Об этом говорит и тот факт, что даже мигрирующим этническим группам присуще сохранение и сбережение их этнокультурных особенностей.

Культура этносов формируется в определенных условиях на территориях, где веками усваиваются и отрабатываются духовные и материальные ценности этого этноса, его традиции и религия. Формируемые в ходе этногенеза идеи и образы, представляющие в совокупности этническую картину мира, свидетельствуют о прежнем и насущном общественно-историческом социокультурном опыте. Народная религиозность, официально принятые религиозные положения, сказки и сказания, отражающие социокультурные ценности, явствуют о культурной и народной самобытности.

В истории развития этнических культур редкий этнос остался неразделенным на мигрирующие группы, которые изменили свой регион проживания, сохранив при этом ценностные основы культуры.

Мигрирующие группы вынуждены были приспособливаться к новым природным условиям, осваивать новые виды деятельности, взаимодействовать в другом этнокультурном окружении. Все это

неоднозначно сказалось на дальнейшем формировании мигрирующих этнокультур, подчеркнув наименее изменяемое ядро этнокультуры. В связи с этим выделение географического, точнее, регионального фактора в современной типологии этнических культур представляется нам необходимым для их изучения.

Региональное влияние на особенности формирования этнокультур было отмечено многочисленными исследователями, а начиная с эпохи Просвещения (например, Ш. Монтескье) не раз обсуждалась роль географического фактора в этногенезе культур. В XIX веке Н.Я. Данилевский отмечает разделение цивилизаций согласно их географическому положению и выделению Запада и Востока, Европы и Азии. Говоря о формировании культуры народа, еще В.О. Ключевский обращает внимание на специфические географические факторы, которые в их уникальном сочетании порождают для формирующейся культуры благоприятные условия. Он подчеркивает, что речь идет о формировании бытовых условий, духовных особенностей, которые складываются в народе под явным влиянием природной среды. Народный темперамент образуется с учетом их совокупности. Окружающая среда, по мнению В.О. Ключевского, представляет собой «неоспоримую силу», действующую на духовный склад людей [5].

Л.Н. Гумилев более детально обращается к географическому фактору жизни этноса, подчеркивая отличия формирования этнокультур от особенностей приспособления к ландшафту. Как бы отвечая ему, П. Сорокин в своих исследованиях предостерегает от интерпретации любой социальной системы как игрушки «внешних условий». Но тем не менее, говоря о четырех типах взаимодействия культур, он уделяет особое внимание этому внешнему региональному фактору.

Региональный фактор понимается нами как такая характеристика территории, при которой учитываются не только ее природно-географические особенности, но и ее экономическое, политическое и культурное развитие, а также особенности взаимодействия с соседствующими территориальными образованиями. Сюда мы включаем общность исторического развития, природные условия, социально-экономические условия жизнедеятельности и, как следствие, – административное деление.

Если этническая культура предстает как наиболее архаичный и консервативный тип культуры, то региональная культура наиболее подвижна, быстро реагирует на политические, социальные и экономические изменения. Особенности же регионально-этнической

культуры сказываются на всем: на языковых особенностях, на повседневной жизни, на интерпретации мифов и сказаний.

Учитывая этническую составляющую, попытаемся обосновать использование понятия «регионально-этнической тип культуры» при характеристике марийцев.

Прямое отношение к формированию региональных особенностей марийцев на Урале имеет история их поселения. Сложение основ древнемарийской народности началось еще в VII–VI веках до н. э. В основе древнемарийского этноса лежит послеананьинский субстрат [6, с. 7]. Если говорить о пермских и волжских финно-угорских народах, то только что зародившаяся культура марийцев находилась между ними.

Марийская культура складывалась на значительном географическом пространстве – от центральных районов России до Уральских гор. В поисках происхождения марийцев, их культуры и начала истории ученые анализируют происхождение слов и языковых форм данного этноса. Само название марийцев (мари), со временем став наименованием этноса, изначально имело значение «человек, мужчина» [7, с. 66]. Так, согласно данным словарей, этимология слова «мари» (marij, marə) приводит к иранскому субстрату и порождает спор об этногенезе современных марийцев и идентичности входящих в состав современных мари этнических групп. Хотя стоит заметить, что слово «мари» присутствует в наименованиях небольших локальных групп, например, «Вытля мари» (марийцы, осевшие на р. Ветлуге) [8, с. 17]. Можно предположить, что тюркский субстрат лежит в основании формирования марийской культуры и в дальнейшем именно он оказал немалое влияние на контакты марийского этноса и тюрков, проживавших на территории России.

Избегая насильственной христианизации и эксплуатации, марийцы поселились на территории Уфимского плато в XVI–XVII веках. Переселенцы относились к луговым мари и шли, соответственно, от «луговой» стороны Волги. До XVII века марийцы более тесно контактировали с тюрками.

Первыми тюрками, с которыми общались марийцы, были болгары. Данное взаимодействие оставило заметный отпечаток в марийском языке в виде значительного пласта древнеболгарских слов, насчитывающих около 300 единиц. В их числе такие слова, как «агытан» (петух), «олма» (яблоко), «окса» (деньги) и др. Второй пласт заимствований – татарские слова. До распада Казанского ханства марийцы входили в его состав. Это отражено наличием около

3 тыс. лексических единиц татарского и башкирского происхождения в марийском языке [9, с. 248–254], хотя, как отмечает тот же источник, в татарском языке выделено только около 65 заимствованных лексических единиц из марийского языка. Именно эта особенность более ранней истории марийского народа позволила марийцам с наличием минимальных межэтнических конфликтов с татарским населением двигаться в сторону Урала.

Заселение марийцами Урала происходило в два различных потока, что сказалось на языковых различиях и небольших различиях в обрядовой и традиционной деятельности. В настоящее время марийцы трех районов Свердловской области – Артинского, Нижнесергинского, Ачитского – называют себя кунгурскими марийцами, хотя эти районы не являются сегодня частью Кунгурской области. Другая группа марийцев называет себя «юпонш мари» («йипоныш») – уфимские мари, так как они, продвигаясь с низовьев Уфы на север, заселили юг Красноуфимского района [10].

Поиск «родного уголка», похожего на «родной дом» марийской культуры, наглядно демонстрирует этническую характеристику пришедших на Урал марийцев, адаптацию их хозяйственной деятельности под новые условия проживания.

По данным археологических исследований И.Г. Шапран, Р.Д. Голдиной и других, мы видим, что марийцы испокон веков селились на холмистых местах, в устье рек. Также немаловажным для марийцев является наличие смешанных хвойно-широколиственных лесов, с которыми у них связана и хозяйственная, и религиозная деятельность. Таким образом, дальше на Урал, в тайгу, марийцы не продвигаются, а останавливаются на границе произрастания липы, дуба, ильма. В таких лесах марийцы скрывались от кочующих башкир, охотились, занимались сбором ягод, грибов и кореньев, бортничеством.

Марийцы, проживающие на Урале и в Предуралье, не имели территориального единства. На это указывали и Г.А. Сепеев, А.В. Черных и другие [11]. Объясняется это тем, что заселение происходило в несколько этапов. Переселявшиеся марийцы искали не столько места по соседству друг с другом, сколько такие природно-географические зоны для поселения, которые бы соответствовали их представлению о месте жительства, заложенному в национальной культуре и нашедшему отражение в сказках и мифах. Кроме того, как было показано выше, эти места уже «принадлежали» башкирам, и приходилось селиться там, где столкновения были наименее возможными.

Кроме того, такое положение приводит к объединению марийского этноса на Урале, оно сказывается и на позитивном заимствовании и взаимообогащении соседствующих с марийцами этнокультур.

Процесс региональной и социально-культурной адаптации марийцев, переселившихся на Урал, отразился на формировании их национального костюма. Сказалась неизбежность влияния погодных условий, адаптация к которым привела к неизбежности заимствования утепленных и непромокаемых элементов костюма у других народов. У уральских марийцев национальной праздничной одеждой считаются татарские галоши, и носят они верхнюю одежду точно такую же по покрою, как башкиры, только называется она по-разному. У башкир – «джилян», а у марийцев – «йылан». А еще у уральских марийцев окрас одежды носит темно-красный оттенок, явно отражающий башкиро-татарское влияние. Одежда же белого цвета такая, как у луговых марийцев, одевалась лишь на праздники. Таким образом, мы видим, костюм является отражением влияния на культуру марийцев Урала географического, социального фактора при сохранении ценностного ядра марийского этноса.

Заимствовалась необходимая для проживания в данном регионе хозяйственная утварь, способы ведения хозяйства, и, как следствие, шло изменение языка и фольклора. В фольклоре уральских марийцев отразились факторы этнической устойчивости и региональной изменчивости, а использование образности языка, своеобразной мелодии песен и сочетания рифм и слов позволили передавать регионально-этнические особенности уральских марийцев от поколения к поколению. Безусловно, языковые заимствования являются наиболее ярким свидетельством совместного проживания в регионе, о чем будет сказано более подробно далее.

Особую роль на формирование регионально-этнического типа марийцев Урала в XIX веке оказало строительство горнозаводской промышленности. Постепенно экономическое развитие сел и деревень стало напрямую зависеть от развития в данной местности горнозаводской промышленности. Мужское население с необходимостью вынуждено было работать на вновь строящихся заводах. Меняется направление трудовой деятельности марийцев Урала. По свидетельству Ю.И. Красильникова, в основном их, как знающих лесные уголья, набирают на работы углежогами.

Даже праздничной культуре уральских мари свойственны региональные особенности, что выразилось в заимствовании тюркских и русских национальных игр, состязаний и представлений, хотя

праздничная культура марийцев Урала сохранена в границах собственной культурной идентичности марийского этноса. Например, осмысление духовного наследия народа, стремление многих людей приобщиться к этому духовному наследию привело к возрождению у марийцев очень популярного в прошлом праздника Ага-Пайрам. Его проводят после окончания весенних полевых работ в Артинском, Ачитском, Красноуфимском районах Свердловской области и Суксунском районе Пермского края уже несколько лет. На эти праздники собираются люди из всех окрестных деревень, программу составляют песенно-хореографические ансамбли из местных марийских, татаро-башкирских и русских селений.

Марийская культура Урала, с одной стороны, выделилась от культуры луговых марийцев, с другой стороны, она не разорвала с ней связи, о чем свидетельствует религия, символика. Многонациональная культура Урала оказала специфическое воздействие на формирование особого типа регионально-этнической культуры – уральского марийца. Этот тип культуры прошел неповторимую историю трансформаций, сохранив этнокультурные собственные уникальные ценности, ставшие основой традиционных ценностей данной культуры, внося в них способом, свойственным только данной культуре, региональную окраску (географические и социально-экономические влияния).

Осмысление культуры марийцев Урала в ключе трансформации с неизбежностью приводит к выводу о значительном влиянии регионального фактора в истории культуры ее генезиса.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь. Этнос. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1431/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A1 (дата обращения: 09.12.2017).
2. Гирц К. Г 51 Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А.М. Татлыбаевой. СПб: Евразия, 1999. 478 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 27.
5. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: лекция четвертая // Библиотекарь.ру. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/4.htm> (дата обращения: 17.06.2018).

6. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). М., 2003. С. 7.
7. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. С. 66.
8. Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Типография императорского университета, 1889. С. 17.
9. Насипов И.С. О марийских заимствованиях в татарском языке // Вестник ЧГУ. 2009. № 4. С. 248–254.
10. Чагин Г.Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII–XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестн. Перм. ун-та: серия «История». 2013. № 2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-situatsiya-v-sylvensko-irenskom-basseyne-v-xvii-xviii-vekah-k-probleme-formirovaniya-etnicheskoj-karty-urala> (дата обращения: 29.10.2017).
11. Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 530 с.

ГРНТИ 02.41.41

УДК 101.1:316

А.Г. Иванов
(A.G. Ivanov)
ЛГТУ, Липецк

**ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ
В ЭПОХУ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
И МАССОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ
THE PRACTICE OF CONSTRUCTING
AND BROADCASTING OF POLITICAL MYTHS IN THE ERA
OF SYMBOLIC POLITICS AND MASS MEDIATIZATION**

В статье рассмотрено место мифа в символической политике и мифотворческая деятельность элит в современную эпоху массовой медиатизации. На примере этиологических мифов (арийский миф и хазарский миф) показан механизм «работы» современного мифа. Автор полагает, что с развитием цифровых технологий и усложнением функционирования коммуникационного пространства механизм трансляции политического мифа начинает претерпевать некоторые трансформации. К таким трансформациям следует отнести переплетение ключевых для мифа дихотомий сакрального и профанного, ускорение процессов смены мифов или замены мифов контрмифами.

The article considers the place of myth in symbolic politics and mythmaking activities of elites in the modern era of mass mediatization. The mechanism of the

contemporary myth “work” is shown on the example of etiological myths (Aryan myth and Khazar myth). The author assumes that with the development of digital technologies and the complexity of the functioning of the communication space, the mechanism of broadcasting of political myth begins to undergo some transformations. These transformations include the interweaving of the key myth dichotomy – the sacred and the profane, the acceleration of the processes of changing myths, or the replacement of myths with counter-myths.

Ключевые слова: символическая политика, политический миф, этиологические мифы, механизм «работы» современного мифа, миф и контрмиф, массовая медиатизация.

Keywords: symbolic politics, political myth, the etiological myths, the mechanism of the contemporary myth “works”, myth and counter-myth, mass mediatization.

Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только, что одна мифология борется с другой мифологией.

А.Ф. Лосев. Диалектика мифа

Практики конструирования политических мифов и в целом мифотворческие процессы во многом связаны со способностью извлекать выгоду из символического содержания социальной действительности, способностью заставить символы работать на мифотворцев, в качестве которых выступают, как правило, элиты.

Интерес к изучению проявлений символического в политике обусловлен работами М. Эдельмана [1, 2], который занимался исследованиями политики как символической формы, рассматривал влияние символических функций на элиту и массу, выделяя миф и ритуал в качестве двух символических форм, наполняющих политические институты содержанием, имеющим значение и влияющим на общественное сознание.

Несмотря на то, что символическое измерение политики остается в центре внимания широкого круга исследователей, как зарубежных (У. Сарцинелли, Т. Мейер, А. Дернер и др.), так и отечественных (С.П. Поцелуев, Д.А. Мисюров, К.В. Киселев и др.), вопросам концептуализации понятия «символическая политика» не всегда уделяется должное внимание. В настоящее время перспективным представляется следующее определение О.Ю. Малиновой: «Символическая политика – это деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве. Символическая политика является не противоположностью, а, скорее, специфическим аспектом “реальной” политики» [3, с. 23]. Важно в данном определении то, что автор не считает символическую политику противоположностью

реальной политики. Это обстоятельство позволяет рассматривать категорию символического в пространстве политики в качестве того, что, как и миф, оказывает реальное воздействие на общественную жизнь.

Вопрос о месте мифа в символической политике представляется достаточно актуальным, о чем свидетельствуют современные реалии политической жизни общества, в которых миф оказывается как важным инструментом формирования политической повестки и поддержания политического доминирования в целом, так и эффективным средством в собственно политической борьбе. Дополнительный вектор исследования мифологического измерения символической политики задают «трансформации современного коммуникативного пространства, стимулирующие особое внимание к процессу возникновения новых политических мифов и их «героических символов», существенно влияющих на эскалацию политических конфликтов» [4, с. 17].

При этом сегодня сложились два способа использования категории «миф» в символической политике, что связано с самим пониманием такого рода политики: «В работах приверженцев более узкой интерпретации символической политики как манипуляции символами “миф” по сути дела выступает как категория политической практики, указывающая на искусственный, симулятивный характер конструируемых знаков. Однако, будучи сфокусированным на действиях манипулирующих элит, данный подход упускает из виду фактор восприятия – то обстоятельство, что лишь сообщения, “прочитываемые” в качестве констатации чего-то “естественного и несомненного”, действительно являются мифами. В рамках узкого понимания символической политики восприятие мифа представляет интерес разве что в контексте оценки эффективности применяемых политических технологий. Более широкая интерпретация символической политики в полной мере сочетается с пониманием мифа как коммуникативного процесса, в котором участвуют не только мифотворцы, но и их аудитория. Он нацеливает на изучение как политических, так и семантических условий, при которых мифологическая конструкция может стать “линзой”, определяющей восприятие реальности» [5, с. 14].

Широкое понимание символической политики и места мифа в ней оказываются, таким образом, невозможными без апеллирования не только к мифотворцам, но и к таким «субъектам мифа», как «мифичные» (для «мифичного» миф является безусловной реальностью, неотъемлемой частью его картины мира; «мифичный» живет мифом).

При этом в деятельности мифотворцев следует выделить символическую политику в смысле politics (сюда можно отнести достаточно широкий круг акторов – от оппозиционных средств массовой информации до профессиональных историков) и символическую политику в смысле policy, при производстве которой в полной мере используются властные ресурсы, а сама такого рода политика представляется в значительной мере институционализированной (государство, политические партии, церковь и т. п.).

Преимущество использования символической власти и символической политики состоит в особом доступе к публичному дискурсу и контролю над ним: «Контроль над публичным дискурсом – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно, над тем, что желает или делает аудитория» [6, с. 32].

В какой-то момент символическая политика институционализируется. Примерно то же самое происходит и с политическими мифами: в определенный момент времени они обретают конкретные очертания, представая в виде слоганов, лозунгов, символов, имен, брендов и так далее. То есть элиты и ассоциирующиеся с ними символы постепенно отождествляются, что в дальнейшем позволяет элитам более грамотно транслировать различные политические мифы.

Механизм трансляции политических мифов практически совпадает с механизмом «работы» социального мифа, который можно представить в виде последовательности: (1) мифотворческая деятельность элит → (2) использование социального мифа как инструмента реализации властных функций → (3) учет социального контекста → (4) применение социального мифа в качестве призыва и руководства к действию → (5) тиражирование социальных мифов в виде шаблонов → (6) функционирование социальных мифов → (7) конкуренция социальных мифов / конкуренция мифотворцев (элит) → (1) появление новых мифотворцев (новой элиты) [7, с. 7].

Для демонстрации того, как политические мифы воздействуют на развитие социума, придают новый смысл событиям, разворачивающимся в политическом пространстве, и при этом вписываются в вышеуказанный механизм работы мифа, приведем примеры таких мифов, как арийский и хазарский. На наш взгляд, и арийский, и хазарский мифы относятся к этиологическим политическим мифам. Важно отметить, что история развития арийского и хазарского мифов в России была серьезно проработана и подробно изучена В.А. Шнирельманом [8, 9, 10]. Но самое главное, что дискуссии вокруг этих этиологических политических мифов приобретают все большую

остроту в условиях массовой медиатизации общества и роста популярности концепта «символическая политика».

Прежде всего стоит заметить, что и арийский миф, и миф о хазарах являются продуктами мифотворческой деятельности элит, о чем свидетельствует их относительно недавняя актуализация и широкий диапазон функционирования. На протяжении непродолжительного по историческим меркам времени происходили противоречивые вещи. Имело место как практическое забвение данных этиологических мифов (в периоды доминирования других мифов и во время, когда отсутствовала необходимость в апеллировании к данным мифологическим сюжетам), так и активная работа по переосмыслению такого рода мифов для дальнейшего их использования в определенных политических целях.

В качестве инструмента реализации властных функций и амбиций арийский миф, например, использовался политической элитой для легитимации автохтонности нации, выступая как дополнительный фактор при предъявлении претензий на определенные территории.

При этом история одного и того же политического мифа демонстрирует нам, что социальный контекст мог учитываться для решения совершенно разных задач: «если колонизаторам арийский миф был нужен для оправдания процесса колониализма как «цивилизаторской миссии», направленной на просвещение «варваров», то местные противники колониализма и активисты национально-освободительного движения тоже прибегали к его помощи, но использовали его в совершенно ином ключе» [10, с. 301–302].

Далее, когда политический миф оказывается уже в достаточно полной мере встроен в контекст событий, он может применяться для мобилизации народа. Особенно отчетливо это видно в случае с этиологическими мифами, когда они используются как маркеры, придают динамику политическим процессам национального строительства. Так, с учетом социально-политического контекста, факт существования Хазарского каганата выступает как важное дополнение при создании самых разнообразных мифов: от претензионных русских националистических мифов до приближающихся к статусу «глобальных», этиологических мифов, например, мифа о происхождении русского народа. Тиражирование мифов происходит гораздо более интенсивно, если они приобретают форму шаблонов, чему в настоящее время способствуют средства массовой коммуникации. Арийские мифы, например, шагнули далеко за пределы философско-политических трактатов, и в настоящее время разнообразные версии такого рода мифов можно найти в массовой культуре.

Безусловно, дополнительный вес и значимость функционированию мифов придают социальные институты, используя соответствующие «мифогенные факторы» (например, государство через идеологию). В случае с арийским мифом, конечно, следует привести ужасающий пример с идеологией германского национализма. Скорое поражение нацистской политической элиты демонстрирует нам также и неспособность арийского мифа выдерживать конкуренцию в конкретных исторических условиях.

Можно сказать, что политический миф есть феномен, имманентный социальному бытию, и с приходом к власти новой элиты начинается и новый цикл функционирования политического мифа в обществе. И здесь важным представляется вопрос о степени укорененности политического мифа, относящегося к определенному циклу, в общественном сознании, в политической культуре. Ведь, с одной стороны, один и тот же комплекс сюжетов может облекаться в формы мифа и оставаться востребованным в политической практике достаточно долгое время, особенно если были задействованы архетипические сюжеты, например, мифологемы героя. С другой стороны, возможны попытки разоблачения политических и иных мифов. В частности, В.Р. Мединский [11] на примере отечественной истории наглядно продемонстрировал, как нужно разоблачать мифы о России, возможно, создавая при этом новые мифы или контрмифы.

Следует также заметить, что в начале XXI века процесс нашего знакомства с историей стал почти полностью медиатизированным. Медиа в форме печати, телевидения, кино, фотографии, радио, Интернета – основные источники для записи, создания, архивирования и распространения публичных и частных историй. Они обеспечивают наиболее удобный доступ к информации как недавнего прошлого, так и более отдаленного, когда соответствующих медиа-средств еще не существовало. Кажется, мы не в состоянии понять прошлое без его медиа-версий. Весь XX век демонстрирует нам, что средства массовой информации и исторические события практически неразделимы [12, с. 1]. В последнее время с развитием цифровых технологий и усложнением функционирования коммуникационного пространства механизм трансляции политического мифа, оставаясь в целом таким же, что и в XX веке, начинает, тем не менее, претерпевать некоторые трансформации. Прежде всего, необходимо заметить, что стремительное развитие коммуникационного пространства оказало решающее влияние на такое существенное и чувствительное мифологическое отношение как дихотомия «сакральное – профанное», впрочем,

равно как и на дихотомии «мы – они», «свой – чужой», «герой – злодей»: они стали «переплетаться» [13]. Кроме того, такого рода «переплетение» приводит к ситуациям, когда один миф сменяет другой (или контрмиф сменяет миф) с калейдоскопической быстротой. При этом наблюдаемое усложнение традиционных и появление новых форм масс-медиа согласуются с известным тезисом Р. Барта о бесконечной суггестивности мира [14].

Анализ трансляции политических мифов в эпоху символической политики и массовой медиатизации только подчеркивает значимость для развития общества понимания механизмов и процессов мифотворчества, тем более что сегодня тема деятельности мифотворцев все еще остается одной из центральных при разговоре о современном политическом мифе.

Библиографический список

1. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 Pp.
2. Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. 188 Pp.
3. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
4. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2015. Вып. 2. С. 16–25.
5. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: сб. науч. трудов / ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред. [и др.]. Вып. 3. Политические функции мифов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
6. Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
7. Иванов А.Г. Механизм воздействия мифов на развитие общества // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 2 (32). С. 6–14. URL: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.1> (дата обращения: 15.01.2019).
8. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Иерусалим, Мосты культуры, Гешарим. 2012. 312 с.

9. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире / В.А. Шнирельман. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
10. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире / В.А. Шнирельман. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 440 с.
11. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с.
12. Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2011. 174 Pp.
13. Иванов А.Г. Мы и они: механизм трансляции социального мифа в медиа-среде // История: электронный научно-образовательный журнал. 2018. Т. 9. Выпуск 6 (70). URL: <http://history.jes.su/s207987840002261-6-1>.
14. Барт Р. Мифологии: пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2004. 320 с.

ГРНТИ 14.35.09
УДК 316.334

Т.Б. Багирова
(Т.В. Bagirova)
УрФУ им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
С.Н. Каташинских
(S.N. Katashinskih)
УГЛТУ, Екатеринбург

СПЕЦИФИКА ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ SPECIFICITY OF TEACHING IN DISTANCE FORM IN UNIVERSITY

В статье рассмотрены особенности обучения через электронные носители. Произведен сравнительный анализ деятельности личности преподавателя и робота-преподавателя. Исследуются причины появления дистанционной формы обучения.

The article describes the features of teaching through electronic media. A comparative analysis of activities of individual teacher and robot-teacher is made. The reasons for the emergence of distance learning are investigated.

Ключевые слова: дистанционная форма, компетенции, личность преподавателя, искусственный интеллект, интуиция.

Keywords: distance form, competence, teacher's personality, artificial intelligence, intuition.

В современной системе высшего образования дистанционная форма обучения является системной и многоступенчатой, охватывающей как заочную, так и очную формы обучения, включая следующие виды учебных занятий: консультации, лекции, практику, промежуточную проверку знаний и контрольное экзаменационное тестирование. Учебный процесс в дистанционном формате обеспечивается учебно-методическими материалами в электронном виде.

Данные материалы разработаны лично преподавателем и доступны обучающимся через личный кабинет, здесь же ведется консультационная переписка между учеником и преподавателем, если в этом есть необходимость. Также существуют известные обучающимся сайты, где размещена учебная и научная литература. Таким образом, складывается ситуация, когда личная встреча преподавателя и обучающегося не является необходимой, так как все вопросы решаются опосредованно, либо через скайп, либо с помощью методиста и работника деканата.

Тенденция упрощения проведения учебных занятий в дистанционном виде приводит к тому, что субъектам учебного процесса необязательно географически находиться на территории учебного заведения как базового, так и удаленного периферийно. Преподаватель и обучающиеся в таком случае могут находиться в любой точке, где есть Интернет. Это может быть собственный дом или рабочее место; более того, вести электронный диалог возможно даже в кафе или в салоне автомобиля через планшет или телефон. Гипотетически преподавателя можно вообще исключить из учебного процесса. Академический наставник отправляет обучающимся материалы для изучения и затем проверяет результаты в тестовом режиме. Вероятно, когда речь идет о ситуации получения второго высшего образования взрослыми состоявшимися людьми в профессии и социуме, то дистанционная форма обучения является не только приемлемой, но и необходимой. Проблема возникает тогда, когда в образовательном процессе участвуют молодые люди, выпускники средней школы.

Как известно, высшая школа является социальным институтом, где, помимо задачи подготовить и выпустить будущего профессионала, то есть наряду с формированием профессиональных компетенций, преподавательский корпус занят формированием общекультурных компетенций выпускника. Понятно, что эта задача не только преподавателя, но всей корпоративной культуры университета, включающей исполнение исторических традиций, формирование ценностных и мировоззренческих компетенций обучающихся именно в данном университете, поэтому цель воспитания патриота вуза, родного края является важным компонентом формирования личности молодого человека в целом. На это направлена целевая программа мероприятий, осуществляемая во внеучебное время, в которой принимают активное участие как обучающиеся, так и преподаватели. Личное общение, постоянная коммуникация, направленная на выявление профессиональных и творческих способностей, являются доминантным фактором обучения в вузе. В данном аспекте дистанционная форма обучения лишь дополнительный элемент в общей дорожной карте образования.

Тем не менее тенденция обезличить учебный процесс, исключить субъективный фактор в оценке успеваемости обучающегося принимает новые формы. Например, электронный источник RUSBASE сообщил, что в Военной академии США (правда, где находится академия, не указано) под руководством профессора Уильяма Барри второй год подряд проходит эксперимент, когда лекционное занятие по нравственной философии ведет робот в женском образе под условным именем BINA48 [1].

Целью данного эксперимента является выявить возможность передачи гуманитарного знания искусственным интеллектом. Аппарат не был подключен к Интернету и пользовался собственным алгоритмом. Курсанты были удивлены тем фактом, что робот ответил на вопросы, в частности, об этичности справедливой войны. Участники признали, что вместо развлекательного мероприятия, как они ожидали, они получили полноценное учебное занятие.

К данному факту исключения человека из образовательного процесса можно относиться как к разовому выступлению робота на заданную тему, но искусственный интеллект не сможет работать в режиме онлайн преподавателя. Помимо дидактического и методического материала в лекции присутствует интеллект и личностная ассоциативная интуиция преподавателя. Талант, ораторское

искусство, профессионализм, харизма, не только знание своего предмета, но и общий высокий культурный уровень позволяет преподавателю совместно с обучающимися создавать новое, переходить на инновационный творческий уровень.

Почему нельзя создать искусственный интеллект – этим вопросом задается Ю.В. Ивлев [2]. По его мнению, процессы творчества и интуиции сознанием не контролируются, а находятся в ведении сверхсознания, которым робот никогда не сможет обладать по определению, а так как интуиция – это получение знаний без основания, то и смоделировать необъяснимую интуицию нельзя [2, с. 151]. Таким образом, робот даже в виде лектора остается только учебным приложением.

Началом внедрения дистанционной формы обучения, помимо экономических причин и обоснований повышения эффективности учебного процесса, являются глобальные цивилизованные перемены в социуме. Ровно десять лет назад в обществе остро обсуждалась проблема, как удержать книгу в руках человека. Резкое падение интереса к бумажному носителю информации любого типа воспринималось как будущая интеллектуальная деградация. Современное качество информационных носителей, невероятный объем и скорость получения информации, в том числе и художественных ценностей, постоянное развитие инновационных информационных технологий явились средством необходимым не только коммуникационной природы, но и профессиональной, и образовательной.

Таким образом, дистанционная форма обучения является естественным следствием всеобщего информационного прогресса, так как является необходимым посредником при передаче и сохранении знаний. К тому же как вузом, так и современным социальным ритмом задаются стимулы и мотивы для профессионального и личностного роста; вот для этого и может послужить дистанционная форма обучения, выполняя функции самообразования и самоконтроля.

Библиографический список

1. В США появился первый преподаватель-робот. URL: <https://rb.ru/story/bina-48-teacher> (дата обращения: 23.10.2018).
2. Ивлев Ю.В. Средства убеждения // Философия и общество. М. 2015. № 1–2 (76).

УДК 03.23.55
ГРНТИ 93/94

Ф.А. Полчаева
(F.A. Polchaeva)
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

**РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПРЕОДОЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE ROLE OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS
IN OVERCOMING RELIGIOUS EXTREMISM
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В данной статье рассматривается актуальная в современном обществе проблема религиозного экстремизма. Автором были выявлены причины распространения радикальных и экстремистских идей в обществе. Эти причины разделены на внешние и внутренние. На примере Республики Дагестан (РД), показано, как экстремистские идеи могут влиять на гражданское общество и какие меры противодействия могут дать положительный результат в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

This article deals with the actual problem of religious extremism in modern society. The author identified the reasons for the spread of radical and extremist ideas in society. These reasons are divided into external and internal. On the example of the Republic of Dagestan (RD), it was shown how extremist ideas can influence civil society and which countermeasures can give a positive result in the fight against extremism and terrorism.

Ключевые слова: гражданское общество, религиозный экстремизм, терроризм, радикализм, ислам.

Keywords: civil society, religious extremism, terrorism, radicalism, islam.

Общеизвестно, что негативные явления в жизни общества получают широкое распространение именно там, где для этого имеется наиболее благодатная почва. Говоря образно, кактус не будет расти на черноземе, так как песчаник подходит ему больше. Следует более адекватно оценить реально сложившуюся ситуацию, определить причины появления этих явлений и пути их преодоления. В противном случае нам не удастся определить возможные пути развития ситуации в обозримом будущем, пока органы государственной власти и институты гражданского общества в основном действуют методом «проб и ошибок».

Причин распространения экстремизма и терроризма много. Однако к определению перечня этих причин подходы органов

государственной власти и представителей институтов гражданского общества и научных специалистов, как правило, диаметрально противоположны.

Следовательно, современные реалии развития требуют новых аргументов в объяснении религиозного мировоззрения, новых оценок места и роли религии, ее институтов, так как в исследовании проблем религии и возникновения экстремизма, радикализма и терроризма в республике много ошибок и недостатков.

Экстремизм в любой форме его проявления представляет собой одну из форм радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп.

В частности, межконфессиональные противоречия, сущность которых выражается в явном и латентном столкновении и противоборстве интересов и целей различных групп, приобретают в настоящее время особую остроту.

В этих условиях, к сожалению, приходится констатировать, что в нашей стране не выработана общенациональная идея, сплачивающая ее граждан. В определенной степени из-за этого те или иные противоречия в межконфессиональных отношениях в настоящее время приводят к межконфессиональным конфликтам, экстремизму и терроризму.

Анализ объективной информации и субъективных оценок, мониторинг общественного мнения показывают, что определенными группами населения религия используется исключительно для достижения своих корыстных целей, распространения своего влияния в стране для последующего утверждения в социально-экономической, политической и культурной сферах государства.

Реальный факт – в России созданы все условия для реализации конституционного права на религию, свободу вероисповедания, но остро встала проблема экстремизма, прикрываемая религиозными лозунгами. В частности, в начале XXI века в Дагестане насчитывалось более 2 тысяч мечетей, 16 исламских вузов с 52 филиалами, 141 медресе, 324 мактабов, где обучались 16 тысяч человек и более 1 200 человек ежегодно проходили обучение в зарубежных исламских учебных заведениях [1, с. 22].

В 2010 году по данным Комитета правительства РД по делам религий, здесь действовали 2 512 религиозных объединений, 2 458 из них были исламскими. Примечетских мактабов было 168, молитвенных домов – 243, вузов – 13, медресе – 78, культурно-просветительских центров – 2, а также 1 союз исламской молодежи [2, с. 66].

По сведениям средств массовой информации, к 2017 году количество религиозных организаций в республике возросло почти на 50 %, и их число приближается к 4 тысячам [3, с. 49].

Теперь почти в каждом ауле Дагестана имеется почитаемое святое место, где местные жители приносят жертвы, читают молитвы во всех случаях жизни. Ежегодно несколько тысяч мусульман совершает паломничество в Мекку (около 80 % квот, выделенных для паломников из России, принадлежат Дагестану).

Ежедневно в религиозной жизни Дагестана участвуют не тысячи, а сотни тысяч людей. За последнее время религиозные процессы охватывают все города, районы республики. Например, на пятничную молитву в Дагестане в мечетях собирается более 600 тысяч жителей республики. Очевидный факт – в республике за последние годы восстановлено и построено больше мечетей чем объектов образования, соцкультпросвета вместе взятых. Все это свидетельствует о том, что в Дагестане имеются все необходимые условия для удовлетворения религиозных интересов.

Несмотря на это, в республике не утвердился мир, согласие и всеобщее благополучие, а наоборот, получили широкое распространение экстремизм, радикализм и терроризм в разных формах их проявления, идеология которых серьезно подрывает традиционные устои нашего бытия, угрожает безопасности Республики Дагестан, да и России в целом.

Надо признать, что в Дагестане в силу ряда объективных и субъективных причин религиозный политический экстремизм и терроризм получили широкое распространение. Эти причины имеют социально-экономические, политические и духовные (гносеологические) корни.

Социально-экономические, политические реформы особенно болезненно ударили по Дагестану, обвальное падение промышленного производства, сельского хозяйства (на 80 % от уровня 1990 г.), массовая безработица, особенно среди молодежи (по данным Международной организации труда, более 25 % экономически активного населения РД не имеет постоянного источника дохода), резкое падение жизненного уровня людей в 1990–2000-е годы создали благоприятную среду для распространения идеологии экстремизма и терроризма.

По основным социально-экономическим показателям Республика Дагестан занимает одно из последних мест среди субъектов России. Тем

не менее официальная власть республики периодически «кормила народ» данными о высоких темпах социально-экономического развития республики и резком улучшении жизненного уровня населения [1].

На фоне 80 % дотационности республиканского бюджета из Федерального центра, депрессивного характера развития экономики республики, весьма вольготно чувствовали себя семейные, клановые, криминальные группировки, местные олигархи, среди которых были и некоторые лица, облеченные властью, которые узурпировали целые отрасли экономики.

Ущерб от их деятельности для развития республики в итоге оказался ничуть не ниже ущерба от экстремизма. Все это приводило протестный электорат к экстремизму и терроризму как к способу решения своих жизненно важных проблем. К сожалению, такова особенность формирования гражданского сознания во времена социокультурного кризиса [4, с. 31].

Следовательно, тотальная коррупция в органах государственной власти являлась главной причиной распространения этих явлений в Дагестане. Когда представители гражданского общества указывали на это, представители власти говорили, что в Москве коррупция более «махровая» чем в Дагестане. Этим оправдывалась тотальная коррупция местных чиновников высоких уровней в республике. Все это породило недоверие жителей республики к ним.

Очевидно, что основными причинами распространения экстремизма, радикализма и терроризма в республике являются внутренние причины. В первую очередь это криминально-клановая система формирования властных структур, коррупция и чиновничий беспредел. Общеизвестно, что чем дольше власть не выражает интересы населения, тем острее становится ситуация.

В этом случае говорить о повышении уровня жизни населения, инвестиционной привлекательности региона говорить не приходится. Ведь известно, что имеется достаточное количество привлекательных и экономически выгодных проектов в республике. Их ранее не раз выставляли на федеральных и международных выставках. Давно должны были построить «Немецкую деревню», «Лазурный берег» с привлечением местной рабочей силы и зарубежных специалистов.

Уже около 15 лет обещают ко Дню Победы открыть современный ипподром и пригласить на праздник ветеранов Великой Отечественной войны, построить современный мусороперерабатывающий завод.

Все эти проекты остаются красивыми намерениями на бумаге. После каждого нового обострения ситуации официальная власть выступала с новыми амбициозными проектами, которые должны привести к резкому улучшению жизни народа.

Далее к этому добавляется так называемый религиозный фактор. Характерными особенностями исламского возрождения в Дагестане стали глубокие антагонистические противоречия внутри исламской уммы Дагестана.

Следует отметить, что ваххабизм в Дагестане обладает определенной мобилизационной идеологией, опирается на международные радикальные религиозные организации, которые представляют республике под отчет огромные материальные и финансовые средства, привлекают профессиональные кадры для оказания идеологической и пропагандистской помощи.

На распространение идеологии экстремизма сильно влияют и внешние факторы. Основным каналом распространения влияния экстремисткой идеологии в Дагестане на сегодня является бесконтрольная долларовая экспансия, совершаемая радикальными религиозными центрами из-за рубежа. В этих целях выпускается и бесплатно распространяется экстремистская литература, создается сеть теле-радио центров, учебных заведений.

По подсчетам авторов, в мире существует более 40 крупных центров по исследованию проблем Северного Кавказа, и от их имени работает множество различных объединений. Более того, в 22 странах, включая США, Германию, Польшу, Болгарию, Турцию, Японию и др., имеется более 80 объединений и организаций, финансирующих экстремистскую деятельность на Северном Кавказе.

В последние годы из-за несовместимости их деятельности с законами РФ ряд иностранцев из Турции и арабских стран был выдворен за пределы РФ или объявлен в розыск по линии Интерпола. Некоторые из них долгое время проживали в РД, были женаты на дагестанках и успели получить российское гражданство [5, с. 113].

С упрощением режима пересечения государственных границ в Дагестан стали просачиваться иностранные миссионеры, проповеди которых служили эффективным катализатором распространения идей экстремизма и радикализма.

Следует заметить, что на первых этапах постсоветского реформирования никто из активных политических деятелей не апеллировал

к религиозным чувствам. Пробуждение религиозной активности произошло незаметно для политической части общества. И первоначально «рост религиозной активности не затрагивал власть, и власть не замечала никакой угрозы в начавшемся процессе реисламизации общества» [6, с. 51]. Но некоторые политические элементы со временем сумели использовать религиозные силы. Известны случаи, когда кандидаты в депутаты разного уровня, глав муниципальных образований в предвыборных кампаниях заручались поддержкой религиозных деятелей. Это говорит о том, что некоторые духовные лидеры скрыто вмешиваются в дела государства, проводя свою политику среди населения. Среди этой части верующих также встречаются лозунги радикально-экстремистского толка.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что среди всех религиозных групп встречаются элементы экстремизма, неприятие светских основ государственности. В частности, по данным конкретных социологических исследований, среди приверженцев всех этих направлений находятся родители, которые отказываются отправлять своих детей в общеобразовательную школу, требуют отдельное обучение мальчиков и девочек.

Около 29 % опрошенных ответили, что имеются случаи отрыва детей до 15 лет от обучения в школе, но при этом только 7,4 % уточнили, что соответствующими органами налагаются административные штрафы на родителей за подобные противоправные действия [5, с. 117].

Анализ показывает, что бороться с экстремизмом и терроризмом время от времени нельзя. Следует в первую очередь создать необходимые условия их искоренения в республике. До сих пор борьба с этим злом велась в основном при помощи правоохранительных органов, то есть не с самим экстремизмом и терроризмом, а с результатами их деятельности.

В результате – большое количество жертв среди мирного населения и органов правопорядка. Ведь экстремистские идеи лежат в сфере человеческого сознания. Необходимо принять превентивные меры против распространения экстремизма и терроризма.

Очевидно, что в первую очередь, необходимо создать нормальные условия жизни, улучшить «социальное самочувствие» населения республики. К сожалению, социально-экономические проблемы населения за короткий период времени решить невозможно: много времени было упущено.

Однако в политической области можно предпринять шаги, которые будут иметь широкий позитивный резонанс в обществе. Было бы целесообразно руководителям республики периодически через ТВ обращаться к народу, устраивать прямые эфиры на злободневные темы. Необходимо наладить диалог с населением, проводить мониторинг общественного мнения по разным проблемам жизни граждан республики. Очень важно как можно скорее искоренить коррупцию во всех эшелонах власти и т. д.

Органам власти всех уровней следует заручиться поддержкой своего народа, получить вотум доверия дагестанцев. В противном случае все предпринимаемые усилия не будут иметь позитивного результата.

Таким образом, чтобы обеспечить дальнейшее эффективное противодействие проявлениям экстремизма в дагестанском обществе, необходимо гибко реагировать на изменения социально-политической ситуации в том или ином районе и населенном пункте. Следует оперативно откликаться на изменения экстремистских установок в сознании граждан.

Библиографический список

1. Арухов З.С., Ханбабаев К.М., Амирбеков А.Г. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе // Взаимодействие государственных и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Махачкала, 2004.
2. Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. 2013. № 1.
3. Рабаданов Р.М. Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 1.
4. Леопа А.В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011.
5. Гаджиев Д.М. Религиозный экстремизм: проблемы и некоторые пути решения // Взаимодействие государственных и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Махачкала, 2004.
6. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. Махачкала, 2004.

**РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
RUSSIAN REALITY: HISTORY, MODERNITY,
DEVELOPMENT PROSPECTS**

ГРНТИ 03.09.55
УДК 094(47).083

Д.Ю. Пухов
(D.YU. Puhov)
УГЛТУ, Екатеринбург

**ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИОННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ГАЗЕТА «ПЕРМСКИЙ КРАЙ» В 1900–1904 ГГ.
PROVINCIAL OPPOSITIONAL PUBLICISM
ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION:
NEWSPAPER «PERMSKY KRAI» IN 1900–1904 YEARS**

На материалах газеты «Пермский край» рассматриваются особенности идейного содержания оппозиционной российской провинциальной публицистики предреволюционного периода, исследуется идеологическая направленность данного печатного органа. В статье показана связь рассматриваемого издания с социал-демократическим кружком В.Н. Трапезникова, а также присутствие в публикациях «Пермского края» элементов марксистской идеологии. Отмечается, что из-за цензурных ограничений социал-демократы не могли в полной мере раскрыть свою политическую и социально-экономическую программу на страницах легальной газеты. Приводятся сведения об отношении губернских властей к данному изданию. Делается вывод о демократической направленности «Пермского края».

The article is devoted to the peculiarities of the ideological content of the opposition Russian provincial publicism of the pre-revolutionary period, which are considered on the materials of the newspaper «Permsky Krai». The author also examines the ideological orientation of this periodical. The article shows the connection between the «Permsky Krai» and the Social Democratic circle of V.N. Trapeznikov, as well as the presence in the publications of the newspaper elements of Marxist ideology. The censorship restrictions prevented the Social Democrats from presenting their political and social program in full. Information is given on the attitude of the provincial authorities to this periodical. The conclusion is made about the democratic orientation of «Permsky Krai».

Ключевые слова: уральская пресса начала XX в., социал-демократы, российский марксизм, интеллигенция, политическая борьба на Урале, публицистика начала XX в., история уральской печати.

Keywords: urals press of the early twentieth century, social democrats, russian marxism, intelligentsia, political struggle in the Urals, journalism of the early twentieth century, history of the urals press.

В ходе интенсивной модернизации российского социума, следовавшей за реформами Александра II, существенно возросло политическое значение прессы, которая играла все более значимую роль в деятельности общественных сил и организаций различной идеологической направленности. Возможности идейного влияния печатных периодических изданий возрастали по мере распространения грамотности, политической активизации населения, увеличения числа и тиражей отдельных изданий. Исследование провинциальной общественно-политической публицистики рубежа XIX–XX в. важно как для понимания процесса назревания социальной напряженности накануне российских революций, так и в рамках выявления направленности идеологического воздействия отдельных изданий, являвшихся субъектами региональных политических систем.

Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати (газеты «Пермский край» и «Камский край»), а также судебно-следственная документация, делопроизводственная переписка и мемуары, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Пермского края. Автором использованы идеографический, ретроспективный, индуктивный и историко-системный методы, а также теория модернизации.

Социально-политические аспекты функционирования системы периодической печати Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. рассматривались в работах М.Г. Суслова [1], А.И. Курасова [2], Л.П. Макашиной [3, 4], Н.Р. Голубева [5], И.В. Нарского [6], В.А. Павлова [7, 8], Н.Н. Попова [9], А.А. Курасовой [10], Н.В. Аверенковой [11], А.А. Бaeвой [12], Л.С. Панова [13], А.В. Антошина и В.А. Антошина [14, 15], других исследователей. Тем не менее актуальность изучения идейного содержания местных изданий, связей прессы с региональными политическими кружками и организациями, а также роли легальных газет в общественной жизни края не исчерпана.

Издание «торгово-промышленной» газеты «Пермский край» было организовано отставным штабс-капитаном, владельцем Сылвенского стекольного завода С.А. Басовым в 1900 г. Финансирование

нового печатного органа в ранний период его существования осуществлялось «на паях» С.А. Басовым и владельцем типографии купцом Д.Г. Сандлером. К началу 1903 г. основным пайщиком стал В.Д. Кувшинский (Государственный архив Пермского края, далее – ГАПК. Ф. Р – 463. Оп. 1. Д. 6а. Л. 70 – 70 об., Ф. 65. Оп. 2. Д. 361. Л. 44).

Пробный номер нового печатного органа вышел в свет 3 декабря 1900 г., а его регулярный выпуск начался с 1 января 1901 г. К концу первого года издания газета, распространявшаяся в Перми, Мотовилихе и «прилегающих к ним регионах Пермского края», имела тираж 2 100 экземпляров, который к 1903 г. увеличился до 2 500 экземпляров (ГАПК. Ф. Р – 463. Оп. 1. Д. 13. Л. 33 об., Пермский край, далее – П.К., 1902, 1 января).

В качестве ответственного редактора «Пермского края» был утвержден С.А. Басов. Однако фактически редакторские обязанности на протяжении первых двух лет издания газеты выполнял В.Н. Трапезников, возглавлявший группу пермских социал-демократов.

В течение этого периода «все дела решались, и весь материал для газеты давался членами социал-демократического кружка» (ГАПК. Ф. Р – 463. Оп. 1. Д. 13. Л. 24 об.), в состав которого входили Р.П. Трапезникова, А.А. Шнееров, В.Н. Южаков, Я.М. Лупполов, Б. Вологдин, Н.Т. Лучинин, А.И. Ставровский, Ф.И. Мондштейн и Е.В. Савельева. Видную роль в редакции играл адвокат Н.А. Вармунд, которого В.Н. Трапезников охарактеризовал как человека «без определенных общественных и политических взглядов» (ГАПК. Ф. Р – 463. Оп. 1. Д. 6а. Л. 70, 71 об.). Известно, что Н.А. Вармунд в 1906 г. баллотировался в I Государственную думу по кадетскому списку (Камский край. 1906 г., 14 апреля). В феврале 1903 г. члены социал-демократического кружка прекратили сотрудничество с «Пермским краем» из-за стремления пайщиков вмешиваться в работу редакции. Фактическим редактором газеты стал Н.А. Вармунд (ГАПК. Ф. Р – 463. Оп. 1. Д. 6а. Л. 82, Д. 13. Л. 33 об., П.К., 1903 г., 7 февраля).

Основной целью сотрудничества социал-демократов в «Пермском крае» являлась пропаганда своих взглядов на страницах легальной печати (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП. ОО. 1903. Оп. 231. Д. 2004. Л. 2, 24). При этом, как отмечал В.Н. Трапезников, из-за цензурных ограничений редакция вынуждена была «стать на платформу демократии, а не социал-демократии и на этом демократическом судне провозить социал-демократические товары» (ГАПК. Ф. Р – 463. Оп. 1. Д. 13. Л. 25).

Демократическая направленность газеты декларировалась в первой редакционной статье «Пермского края». «Мы постараемся говорить и за тех, кто еще не умеет высказаться о своих нуждах и формировать свои запросы, – писал автор публикации. – В этом отношении все начинания как государства, так и частных лиц, относящиеся к урегулированию отношений между представителями труда и капитала, будут находить себе беспристрастную оценку на столбцах газеты» (П.К., 1900 г., 3 декабря).

Авторы материалов «Пермского края» последовательно проводили тезис о том, что рыночные отношения уже проникли в российскую экономику, причем захватили не только промышленный сектор, но и сельское хозяйство, писали об относительной прогрессивности капиталистического способа производства (П.К., 1901 г., 1 января, 9 февраля; 1902 г., 1 января, 18 апреля; 1903 г. 1, 25 января). В соответствии с канонами марксистской теории в первом номере «Пермского края» отмечалось, что кустари не в состоянии конкурировать с крупными капиталистическими предприятиями (П.К., 1901 г., 1 января).

Большое внимание редакция «Пермского края» уделяла «рабочему вопросу». Автор передовой статьи в первом номере газеты обращал внимание читателей на «тяжелое положение и нужду городского пролетариата и все более разрастающуюся пропасть между ним и классом хозяев в материальном и идеальном отношении» (П.К., 1901 г., 1 января). В целом ряде публикаций «Пермского края» отмечалась неудовлетворительность условий труда и быта трудящихся, подвергалось критике состояние законодательства, регулирующего взаимоотношения предпринимателей и рабочих (П.К., 1901 г., 6 марта, 1 апреля, 1902 г., 10, 17 февраля, 16, 17 марта, 1903 г., 1, 4 января).

В качестве средства, способного позитивно повлиять на положение трудящихся в публикациях «Пермского края» рассматривалась организация касс взаимопомощи, потребительских обществ, легальных рабочих союзов, введение восьмичасового рабочего дня (П.К., 1901 г., 7 ноября, 1902 г., 27 января, 10 февраля).

Писал «Пермский край» и о проблемах уральского пролетариата, привлекая внимание читателей к различным «неформальным» поборам с рабочих (П.К., 1902 г., 4 апреля, 6 августа, 10, 23, 30 ноября, 3, 21 декабря). А.А. Еловников выступил за создание в Перми «рабочего бюро» для «распределения рабочей силы в местах ее наибольшего спроса в губернии и на заводах, фабриках, промыслах и т. д.» (П.К., 1901 г., 9 июня).

Для публикаций «Пермского края», посвященных проблемам сельского населения России, характерно признание неблагоприятного положения крестьянства (П.К., 1901 г. 1 января, 31 июля; 1903 г., 25 апреля).

П. Садырин пропагандировал на страницах газеты идею создания всесословной «мелкой земской единицы» (П.К., 1903 г., 15 марта). Приуральское издание критиковало закон о предельности земского обложения, отмечало необходимость создания общеземского печатного органа (П.К., 1901 г., 8 февраля, 27 июня).

Публицисты «Пермского края» выступали за расширение сети начальных и средних учебных заведений в губернии, демократизацию и гуманизацию средней школы, писали о тяжелом материальном положении учителей. Поддерживалась на страницах газеты идея создания учительских союзов (П.К., 1901 г., 8 февраля; 1901 г., 24 марта, 14 апреля; 1903 г., 27 апреля, 15 мая, 8 июня).

Являясь подцензурным «торгово-промышленным» изданием, «Пермский край» не мог помещать статьи политического характера. Тем не менее в публикациях газеты просматриваются представления редакции о наилучшей форме государственного правления. Так, в статье Дионео утверждалось, что протекционизм в Англии «может быть принят и может быть отвергнут, но будет сделано это только по желанию народа, а не тех, которые стоят у власти» (П.К., 1903 г., 15 июля). Автор другой публикации, помещенной в ноябре 1904 г., писал: «Само собою разумеется, что возрожденная Россия, Россия дружного взаимодействия народа и правительства, идущая об руку с народным сознанием, отдавшая все главнейшие нити своего существования и развития в руки народных представителей, – не будет представлять собой благоприятной почвы ни для обостренного протекционизма, ни для поддержки отечественных промышленников раздутыми заказами и субсидиями...» (П.К., 1904 г., 7 ноября).

Оппозиционность «Пермского края» по отношению к действующей власти проявлялась в подборе информационных материалов, публикуемых в газете, что неоднократно отмечалось в донесениях пермского губернатора А.П. Наумова в Главное управление по делам печати (ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 301. Л. 25–26).

Уже с 1902 г. деятельность редакции вызывала репрессивные меры со стороны губернских властей. Весной 1902 г. были арестованы В.Н. Трапезников, А.А. Шнееров и А.И. Ставровский, которые находились в заключении до 20 августа того же года. Полицией были допрошены Е.В. Савельева, Б.П. Вологдин и Я.М. Лупполов.

12 марта 1902 г. был проведен обыск в редакции и типографии «Пермского края». Позднее подвергся аресту Н.А. Вармунд, являвшийся фактическим редактором газеты в тот период, когда В.Н. Трапезников находился в заключении (ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 109. Л. 288–290. Д. 110. Л. 45–45 об., 213–214, 332, 338, 357). В 1903 г. пермский губернатор неоднократно ставил перед Главным управлением по делам печати вопрос о закрытии «Пермского края» (ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 301. Л. 3, 22, 26). С 1 ноября 1903 г. до 24 октября 1904 г. и с 17 ноября 1904 г. до 2 ноября 1905 г. издание «Пермского края» приостанавливалось.

Идейное содержание публикаций «Пермского края» 1900–1904 гг. свидетельствует о том, что членам кружка В.Н. Трапезникова удавалось пропагандировать в легальной печати марксистские идеи о неизбежности и прогрессивности капиталистической модернизации, проникновении рыночных отношений в российскую экономику. Однако данные тезисы не противоречили также и либеральной идеологии. Редакция пермской газеты с демократических позиций освещала рабочий вопрос и проблемы, сопутствовавшие ускоренной индустриализации. Значимым компонентом содержания «Пермского края» являются парламентские идеи, пропагандировавшиеся в отдельных статьях. Всё это позволяет сделать вывод о демократической направленности «Пермского края». Особенностью рассмотренных публицистических материалов является критическое восприятие российской модернизационной модели, что можно рассматривать как один из симптомов нарастания политической нестабильности. Показательно, что в публикациях газеты нашли отражение проблемы, оказавшиеся в центре общественной борьбы в ходе российских революций начала XX в.: низкий уровень жизни городских рабочих, крестьянское малоземелье, демократизация политической системы.

Библиографический список

1. Суслов М.Г. Борьба против зубатовщины на Урале // Деятельность партийных организаций Урала в дооктябрьский период (1894–1917 гг.). Пермь, 1978. С. 3–23.
2. Курасов А.И. Становление и развитие революционной печати на Урале в начале XX в. Свердловск, 1981.
3. Макашина Л.П. Публицистика уральских большевиков в легальной печати 1905–1907 гг. Свердловск, 1987.

4. Макашина Л.П. Легальная большевистская печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг. Свердловск, 1988.
5. Голубев Н.Р. Политическая пропаганда и агитация оппозиционных и революционных сил на Урале в годы первой революции в России: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1993.
6. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 1, 2. Челябинск, 1995.
7. Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала Т. II. Кн. II. Екатеринбург, 1997.
8. Павлов В.А. Лики «свободы печати»: Власть и пресса. Урал 1905–1907 гг. Екатеринбург, 2002.
9. Попов Н.Н. Урал в начале XX в. 1901 г. – февраль 1917 гг. // Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь: Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 9–33.
10. Курасова А.А. Уральские организации политических партий России накануне и в период революции 1905–1907 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
11. Аверенкова Н.В. Образы либерала в уральской печати в годы Первой российской революции: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
12. Баева А.А. Образ революционера на страницах периодической печати Урала во время Первой русской революции: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013.
13. Панов Л.С. Непримируемый Трапезников (очерк жизни политического деятеля, юриста и краеведа В.Н. Трапезникова). Вологда, 2013.
14. Антошин А.В., Антошин В.А. Оппозиционный журналист в дореволюционной России: сотрудник газеты «Голос Урала» Ф.Н. Лебедев (Сибирский) в период избирательной кампании в IV Государственную думу // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки, культуры. 2014. Т. 132. № 4. С. 75–80.
15. Антошин А.В., Антошин В.А. Периодическая печать Большого Урала в условиях революции 1917 г.: основные тенденции развития // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки, культуры. 2017. Т. 23. № 3 (165). С. 95–101.

ГРНТИ 03.23.55
УДК 93\94

А.В. Чевардин
(A.V. Chevardin)
УГЛТУ, Екатеринбург

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕРДЛОВСКОГО
И МОЛОТОВСКОГО ОБЛАСТНЫХ ПРАВЛЕНИЙ
СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ
ACTIVITY OF SVERDLOVSK AND MOLOTOV
REGIONAL BOARDS OF THE UNION OF POLISH PATRIOTS:
SIMILARITIES AND DIFFERENCES**

В статье исследуется развитие двух региональных центров польской диаспоры, созданных советской властью на Урале в 1943–1946 гг.: временные областные правления Союза польских патриотов (СПП) Свердловской и Молотовской областей. Были найдены сходства двух правлений в специфике и целях работы, основных формах деятельности. Отличия в работе организаций исходили, прежде всего, из того, что польских граждан в Свердловской области было в два раза больше чем в Молотовской. После так называемой реэвакуации отличия стали заметны сильнее.

The article compares the establishment of the two regional boards of the same organization that operated in the Ural during the Second World War. Similarities in the beginning of systematic work of the organizations and the main forms of activity were revealed. The difference in the dates of foundation of organizations was revealed. The Polish population of Sverdlovsk region exceeded twice the number of Poles of Molotov region. After re-evacuation, the difference became even larger.

Ключевые слова: Союз польских патриотов, Вторая мировая война, советско-польские отношения, польская диаспора Среднего Урала, миграции населения.

Keywords: the Union of the polish patriots, the World war II, the soviet-polish relationship, the polish diaspora in the Middle Ural, population migration.

С начала 1930-х гг. Урал превратился в динамично развивающийся промышленный регион СССР, роль которого ошутимо возросла в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Однако дефицит рабочей силы тормозил развитие данной территории. Нехватку кадров советское правительство решало, в том числе, за счет переселения жителей присоединенных в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии. Известно, что в 1939–1941 гг. на Урал прибыли десятки тысяч граждан довоенной Польши. Это были завербованные на промышленные предприятия безработные западных областей, депортированные лица, заключенные ГУЛАГа и т. д.

Тема пребывания на Урале польских граждан отражена в статьях и монографиях как советских (Ш.Д. Пиримкулов), российских историков (А.Э. Гурьянов, В.М. Кириллов, В.П. Мотревич, Н.П. Палецких, А.В. Черных и др.), так и польских (А. Гловацкий, Д. Бочковский и др.).

Ученые пришли к выводу, что в 1940–1941 гг. на территории современного Пермского края в 23 спецпоселках пребывало 11 тысяч польских граждан. В основном это были этнические поляки. Они были трудоустроены преимущественно на предприятия лесной промышленности [1, с. 116].

В Свердловской области в 1940–1941 гг. число депортированных польских граждан достигало 26 тысяч человек. Половина из них была этническими поляками, другая половина – польскими евреями, украинцами и белорусами. Они проживали в 59 спецпоселках, были трудоустроены на предприятия лесной и горнорудной промышленности [2; 79 Л. 241, 223; Д. 89; Л. 5; Д. 107; Л. 28].

30 июля 1941 года между советским и польским правительствами было заключено соглашение, по которому между двумя странами восстанавливались дипломатические отношения. При этом советское правительство объявляло амнистию «всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории» [3, с. 356–357]. Таким образом, в августе–сентябре 1941 г. две трети жителей польских спецпоселков Свердловской и Молотовской областей смогли покинуть Урал.

Далеко не все поляки рискнули тронуться с места с семьями в условиях военного времени, имея трудности с продовольствием, риск заболеть тифом на вокзалах и в транспорте и т. д. По состоянию на 1 декабря 1942 г. в бывших спецпоселках Молотовской области под опекой польского посольства оставалось 4 713 человек. Причем 70 % диаспоры составляли этнические поляки, 30 % – польские евреи [4; 252 Л. 2–3; 254 Л. 2]. В Свердловской области было учтено 7 599 бывших польских граждан, из них 64 % – этнические поляки, 17 % – евреи, 19 % – украинцы и белорусы [5, с. 88].

Следует отметить, что польское посольство в СССР в 1941–1943 гг. смогло найти и взять под опеку лишь часть поляков Молотовской и Свердловской областей – в основном жителей бывших спецпоселков, не пожелавших выехать на юг. Несколько сотен бывших польских граждан проживали в городах и не были связаны с представителями посольства. Это были польские евреи, спасавшиеся от холокоста, эвакуированные в 1941–1942 гг. специалисты

и коммунисты, безработные, искавшие заработок и жилье, студенты, военнослужащие Красной армии и т. д.

После победы в Сталинградской битве советское правительство все чаще стало обращать внимание на польское население, остававшееся в СССР. В июне 1943 г. по приказу И. Сталина создается специальный орган опеки над поляками – Союз польских патриотов (СПП). В течение 1943–1944 гг. эта организация открывала свои филиалы по всему Советскому Союзу, в том числе, в республиках и областях уральского региона.

Можно выделить четыре основных направления деятельности областных правлений СПП. Во-первых, организационное: регистрация и учет польских граждан, проведение реэвакуации и репатриации, а также разных собраний, выставок, конференций. Во-вторых, гуманитарное: получение и распределение американской и советской помощи, создание касс взаимной помощи (КВП), учреждений социальной опеки: детских домов, школ, классов для польских детей, летних лагерей и т. д. В-третьих, политическое направление: героизация Красной армии и Войска польского, воспевание советско-польской дружбы, отбор и подготовка кадров для управления послевоенной Польши, пропаганда советского образа жизни, а также просоветских взглядов на будущее политического устройства Польши, на будущие польские границы, на события в Катыни и т. д. Четвертое направление деятельности культурно-просветительское: празднование польских национальных праздников: 3 мая, 11 ноября, годовщины восстания Т. Костюшко и др.; организация творческих коллективов для распространения и сохранения польской культуры.

Документы о деятельности СПП в Свердловской и Молотовской областях хранятся как в российских (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Государственный архив Пермского края (ГАПК), Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ) и др.), так и в польских архивах (Archiwum Akt Nowych (AAN), Archiwum Wschodni (AW) и др.). Для создания статьи был использован *метод историзма* – процесс объективного комплексного изучения прошлого на основе исторических источников.

По данным польского архива новых актов (AAN), в конце 1943 – начале 1944 гг. польское население Молотовской области (вместе с Коми-Пермяцким автономным округом) достигало 6 тысяч человек.

В соседней Свердловской области их число было на порядок больше – 18 619 человек [6; 1062; 1164, s. 7].

Осенью 1943 г. представитель Главного управления СПП Болеслав Дробнер совершил поездку по некоторым городам Урала, Сибири, северо-восточного Казахстана, где встречался с местным польским населением. Он участвовал в создании организаций на местах, в том числе в г. Молотов (ныне – г. Пермь), где открыл первое на Урале областное правление СПП. Протокол заседания № 1 временного областного правления СПП в Молотовской области датирован 15 октября 1943 г. Однако постоянный офис в здании облисполкома был получен только в июле 1944 г. [6; 1062 Л. 1–4].

Первое зафиксированное в документах отделение СПП на территории Свердловской области появилось позже чем в Молотовской области, в декабре 1943 года, в поселке Дегтярка Ревдинского района. Открытие Свердловского областного правления СПП состоялось в конце февраля 1944 года. Однако окончательно наладить работу удалось лишь в середине июня 1944 г., во время приезда в город представителя Главного управления СПП Ирены Штахельской [6; 1163 Л. 7–9, 23]. В это же время был выделен постоянный офис по адресу: ул. Ленина, д. 24 [7; Л. 24].

По инициативе СПП советские власти организовали переселение граждан Польши из регионов с наиболее тяжелой социально-экономической ситуацией, в том числе, из Свердловской и Молотовской областей. Для помощи коллегам в Прикамье был отправлен представитель Главного правления СПП Влоджимеж Сокорский.

Уже в мае–июне 1944 г. в Саратовскую область были вывезены 2,5–3 тысячи поляков из Коми-Пермяцкого автономного округа. Примерно в то же время польский детдом, находившийся в Добрянке [6; 1062 Л. 83, 84, 88], был перемещен в Ростовскую область, в рабочий поселок Чертково. В сентябре–октябре 1944 г. под контролем полномочного представителя Главного правления СПП Т. Билана прошла реэвакуация 6 030 польских граждан из Свердловской области. В конце октября–ноябре 1944 г. в Харьковскую и Полтавскую области Украины под надзором того же Т. Билана были вывезены около 2 тысяч поляков из Молотовской области [8, с. 91, 92].

Реэвакуация значительно изменила состав польского населения Урала. Согласно отчету областного правления, в Молотовской области остались преимущественно мужчины трудоспособного возраста, работавшие в тяжелой металлургии, на угольных шахтах

и в строительстве. Такие же процессы наблюдались и в Свердловской области: из региона уехала самая обездоленная часть польского населения, проживавшая преимущественно в бывших спецпоселках. Теперь под опекой СПП оказались жители малых, средних и крупных городов. Однако детей в Свердловской области оставалось больше, в том числе потому, что был сохранен польский детский дом в поселке Монетный [5, с. 148].

В 1945 г. в Молотовской области насчитывалось до 2 тысяч опекаемых СПП польских граждан. Из них около 350 человек составляли этнические поляки, около 1 600 чел. – польские евреи. В Свердловской области в 1945 г. оставалось 1 230 поляков и 5 003 польских еврея. В ходе реэвакуации 1944 г. председатели правлений в Молотове (Ежи Липшиц) и в Свердловске (Сергиуш Минорский) также покинули уральский регион. На их место пришли соответственно Якуб Кон и Мойзеш Хигрин.

Можно сделать вывод, что областные правления СПП в городах Свердловск и Молотов в 1943–1944 гг. находились на стадии организации. Долгое время им не удавалось самим получить у местных властей постоянный офис, собрать коллектив активистов. Трудности удалось преодолеть благодаря вмешательству Главного управления СПП. Именно представители, приехавшие из столицы: Б. Дробнер, Т. Билан, И. Штахельская, В. Сокорский и др., – проводили собрания, подбирали кадры для правлений, решали ключевые вопросы по реэвакуации польского населения и в Молотове, и в Свердловске.

Таким образом, несмотря на разницу в датах основания организаций в двух регионах, фактическое начало их работы совпадает – лето 1944 г. К этому времени советское правительство выделило польским гражданам гуманитарную помощь, которую срочно необходимо было выдать населению. Поляки получили американскую благотворительную помощь. Подавляющее большинство работников областных правлений как в Свердловске, так и в Молотове составляли польские евреи. Кроме того, процентное соотношение этнических поляков от количества всех опекаемых польских граждан в двух регионах было примерно одинаковым – 20 %.

На деятельность СПП оказывал влияние тот факт, что польское население Свердловской области превышало более чем в два раза численность поляков Молотовской области. После реэвакуации эта разница стала еще ощутимее. В Свердловской области польский

детский дом продолжал свою работу до 1946 г., тогда как в Молотовской области был вывезен одним из первых – в начале лета 1944 г. [9].

Как видно из документов, временные областные правления СПП не были самостоятельными организациями, они были созданы по приказу из Москвы, получали указания от Главного управления СПП, решали задачи, поставленные центром. Однако они сделали важное дело для материальной и духовной поддержки польского населения двух областей, развития и улучшения советско-польских отношений. Особенно важную роль сыграли правления в отправке поляков домой. В 1946 году при непосредственном участии СПП из Свердловской области в Польшу вернулись 5 525 человек, из Молотовской области – 1 687 человек [10, с. 169].

Библиографический список

1. Boćkowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940–1943. Warszawa: NERITON-PAN, 1999.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79; Д. 89; Д. 107.
3. Катынь. 1940–2000 гг. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы / под ред. В.П. Козлова, Д. Наленча. М.: Весь мир, 2001.
4. Archiwum Wschodni (AW). V-HIAK-252, 254.
5. Чевардин А.В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. Екатеринбург: БКИ, 2010.
6. Archiwum akt nowych (AAN). Zespół: Związek patriotów polskich (ZPP). Sygnatury: 1062, 1163.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. 2508. Оп. 1. Д. 90.
8. Głowacki A. Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994.
9. Левин А. Польский дом на Урале. Екатеринбург: Полиграфист, 2006.
10. Czerniakiewicz J., Czerniakiewicz M. Przeszedlenia ludności w Europie. 1915–1959. Warszawa: WSP – TWP, 2005.

ГРНТИ 71.37.75
УДК 338

Н.Г. Фонова
(N.G. Fonova)
УрФУ им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТУРИЗМА В 2018 ГОДУ NEW TRENDS IN THE TOURISM MARKET IN 2018 YEAR

В статье рассматривается состояние российского и международного рынка туризма. Исследуются факторы, влияющие на развитие туризма, а также отмечаются ключевые особенности 2018 и 2019 сезонов. Рассматривается технология ценообразования на туры. Анализируется зависимость внутреннего туризма от международных тенденций. Проводится анализ маркетинговой среды рынка туризма, структура турпродукта 2018, отмечается появление новых технологий продаж туристического продукта.

The article considers the state of the Russian and international tourism market. Factors influencing the development of tourism are examined, as well as key features of the 2018 and the 2019 season. The technology of pricing for tours is considered. The dependence of domestic tourism on international trends is analyzed. The analysis of the marketing environment of the tourism market, the structure of tourist products in 2018, the emergence of new technologies for the sale of tourist products are made.

Ключевые слова: туризм, турпродукт, глубина продаж, внутренний туризм, международный туризм, бронирование, пакетный тур, туроператор, турагент, туристический сезон.

Keywords: tourism, tourist product, depth of sales, domestic tourism, international tourism, booking, package tour, tour operator, travel agent, tourist season.

2018 год снова вызвал на рынке туризма некоторый переполох. Конец прошлого был довольно напряженным, но успешным для туриндустрии. Туроператоры постарались достойно завершить год, и с надеждой и осторожным оптимизмом смотрят на перспективы, открывающиеся в 2019 году. Рынок достойно справился с тяжелыми испытаниями, постепенно возвращается доверие путешествующей части населения к турбизнесу, туры продаются активно и показывают неплохую глубину. Достаточно высок запрос зимних направлений. Туроператоры начинают согласование полетных программ, пытаясь предугадать востребованность старых и новых направлений.

Колебания рубля, нестабильность социально-политической ситуации замедляют активность туристов в акциях раннего бронирования. Исходя из вышеизложенного, следует отметить некоторые ключевые особенности 2018 и 2019 сезонов. В материалах исследования

используются данные электронных порталов «Слетать.ру», Onlinetours.ru, Travelata.ru, а также сайтов туристических компаний, занимающихся как внутренним, так и выездным международным туризмом.

Во-первых, исследуя все факторы, оказывающие влияние на рынок выездного туризма, можем сказать, что 2018 год стал «годом Турции». Вот основные из факторов: россияне в силу географических особенностей тянутся в теплые места (75 % российских любителей путешествий предпочитает пляжный отдых). Туры в эту страну были особенно популярными в лето 2018 как на этапе раннего бронирования, так и на протяжении всего сезона, вытеснив с первого места российское направление. По данным Ассоциации туроператоров, на Турцию приходится до 50 % продаж.

На сегодняшний день сформировался так называемый эффект отложенного спроса. Соответственно, устойчивый запрос на пляжный отдых преобразовался в возможность доступного отдыха. Это обусловило в 2018 году рост продаж недорогих направлений и выбор наиболее оптимальных пляжных вариантов в силу неопределенности обстановки в Египте и Турции (благодаря системе «все включено»).

Турпоток вырос за счет тех, кто в ожидании открытия Турции временно заместили ее другими пляжными предложениями. Это такие страны (ставшие в 2015 году заменителями «дорогой пятизвездочной» Турции [1]), как: Тунис, показавший за 2016 год рост в 1 200 % – с 47 тыс. до 568 тыс. туристов и ставший лидером роста; Греция выросла на 20 %; Кипр показал рост на 43 %; Болгария поднялась на 31 %; Таиланд – на 28 %.

Как известно, стоимость зарубежных туров привязана к курсу валют, а турецкий рынок весьма волатилен; стоимость тура формируется в большей степени от спроса чем от себестоимости. Причем изменение цены может произойти в силу снижения (повышения) спроса и у наших туристов, и, например, у туристов из Германии, если они вернутся в Турцию, и у других европейцев. Турецкий отельный бизнес чувствителен. Турецкие отельеры и перевозчики при поддержке правительства разработали особые программы для туроператоров на сезон 2017–2018 года. Они предполагали хорошие преференции и субсидии, что в какой-то степени сказывается на стоимости стандартного турпакета. Возможно, эта политика будет иметь продолжение.

Во-вторых, эксперты полагают, что ряд ведущих туроператоров пришел к необходимости сократить или свернуть дальнейшую разработку туристического рынка России в силу недостаточного спроса. В ряде компаний обсуждается пока разработка мероприятий

по значительному уменьшению себестоимости. Дело в том, что некоторые туроператорские компании взяли в управление отели, с которыми придется работать. Большинство же туроператоров не намерены изменять место внутренних туров в структуре предложения, возможна лишь некоторая «балансировка направлений» [2].

Ведущие туроператоры подсчитали, что запросы российских туристов на внутренние направления в 2018 году снизились на 25 %, продано 70 % пакетов из летней программы. Это возможно, по их мнению, по ряду причин. Некоторые пеняли на нестабильную погоду этого сезона, но главной причиной, несомненно, является экономика: кто-то вообще не запланировал поездки из-за ограниченных средств, другие выбрали выездные направления. Падение спроса привело к корректировке цен на внутренние туры – 20–30 % туров в сезоне 2017–2018 гг. реализовались по себестоимости. Подобные действия производятся в ущерб своей прибыли в виде комиссии в размере 15–20 %, получаемой туроператорами от бронирования отелей. Так же отмечена тенденция демпингу, которая до сего времени активно использовалась в выездном туризме.

В абсолютные лидеры по результатам прошлого года опять вышли Адлер, Красная Поляна и другие курорты Большого Сочи – забирают около 40 % внутреннего турпотока. Эти районы за 2014–2016 годы получили мощный ресурс для развития туристической инфраструктуры [3]. За ними – Центральный, Хостинский и Лазаревский районы. Наиболее востребованным стал тур на курорты Большого Сочи на 9–11 ночей. Отдых на неделю на курорты Большого Сочи в самом «жаркий» месяц сезона, августе, стоил до 30 тысяч рублей (без перелета).

Второе и третье место держат Анапа и Геленджик. Анапа – это детский курорт, поэтому средняя продолжительность отдыха в Анапе несколько длиннее, а в Геленджике – 7–9 ночей. Недельная августовская Анапа составила 20–22,5 тысячи рублей без перелета. Отдых в Геленджике обошелся примерно в такую же сумму.

Интерес к Крыму несколько упал, тем не менее наиболее популярны направления – Ялта, Южный берег и Евпатория. Следующие в рейтинге популярности – Николаевка, Судак, Алушта. Последние в рейтинге – Феодосия, Саки и Коктебель. Туроператоры предлагали, исходя из тех же параметров, от 26,5 до 32 тыс. рублей на человека, что несколько дороже других предложений на российском тур. рынке.

Основной турпоток в Крым в 2018 году, как и в 2017, сохранился за самостоятельными туристами («дикарями»), что не способствует развитию и популяризации этого направления.

Определенный интерес вызывают Кавказские минеральные воды, Санкт-Петербург, Москва, Подмосковье, Туапсе, Калининград, Алтайский край, курорты Урала. Самый продолжительный отдых – на курортах Кавказских минеральных вод. Это вызвано спецификой отдыха и лечения на курорте (причем круглый год) – 14 ночей стоимостью 35–40 тысяч рублей без перелета. Туры в Петербург отличаются краткосрочностью – 3–5 ночей, и стоит такой тур около 10–15 тысяч рублей. В Москве и Подмосковье летний отдых длится 5–6 ночей. Проживание и питание в московских и подмосковных гостиницах и курортах можно купить за 15–20 тысяч рублей.

Сравнительно новое направление для внутреннего туризма – Калининград. Тур от 8 ночей предлагался за 25,5 тысяч рублей, а в Алтайский край – 13 ночей – 54 тысячи рублей.

На Урале пользуются устойчивым спросом курорты, в связи с этим туры довольно продолжительны и недешевы – из Москвы только питание и проживания выйдет около 42 тысяч рублей [4].

В ценовые рамки до 30 тысяч уложились 38 % отдыхающих, от 30 до 60 тысяч рублей потратили 44 % туристов, 13 % купили путевки по цене от 60 до 90 тысяч рублей, лишь 5 % смогло потратить на отдых на наших курортах более 90 тысяч рублей.

Предпочтительная звездность отеля – без звезд; санатории, апартаменты – до 40 % спроса. Также популярны отели категории 3*. Относительно систем питания, спектр интересов обширен. Система «все включено» давно положительно оценена нашими туристами. Другие системы также популярны, особенно для тех, кто не привык сидеть на месте, приверженцев активного отдыха.

За 2016–2017 годы туроператорами в направлении внутреннего туризма были приложены серьезные усилия – большинство из них овладело отработанными мировыми технологиями и продолжают свою экспансию на внутренний рынок с различными предложениями.

В-третьих, в 2017–2018 гг. наблюдалось снижение интереса к экскурсионной Европе. Прежде всего, это касается непляжного отдыха. Например, в 2017 году численность отдыхающих во Франции, по данным Росстата, снизилась на 7 %, в Чехии – на 8 % [5, 6, 7]. Возросли продажи в 2017 году в двух случаях: либо был выбран пляжный вариант отдыха, либо сделано ценовое предложение, Ганчар от которого невозможно отказаться. В связи с этим существенный прирост обнаружили Кипр, Греция, Испания, Италия. Рост составил 4 %. Сказалась также довольно сложная экономическая ситуация. К тому же европейские отельеры не всегда гибко реагируют на растущие и меняющиеся потребности наших туристов. Например,

большинство стран не практикуют введение системы «все включено», столь любимой нашими согражданами. Менталитет, привычки и приверженности – все то, что относят к социокультурным факторам, сказывается на выборе россиян. Визовые формальности и нежелание вводить все ту же систему «все включено» превращают отдых в Европе в весьма дорогое мероприятие.

В-четвертых, прирост, хотя и незначительный, показали «экзотические» или «условно экзотические» для России страны с пакетными и индивидуальными турами и достаточно высоким средним чеком. Количество туристов не так велико – чуть более 150 тысяч в год, но это довольно устойчивая категория со стабильно высоким достатком, на которой не отразился кризис. Значительный рост – на 24 %, в 2017–2018 гг. показал Вьетнам, в 2,5 раза вырос спрос на Доминиканы, Мальдивы приросли на 30 %.

В-пятых, 2017 год укрепил позиции тех туроператоров, чье положение не смог пошатнуть кризис 2014–2015 годов. В 2018 году их влияние еще более возросло. Те же субъекты туристического рынка, которые не смогли выдержать экономического спада, окончательно покинули рынок. Среди них в 2018 г. оказался один из крупнейших игроков рынка туризма – «Натали Турс», занимающий в 2017 году, достаточно крепкую позицию.

В-шестых, рынок претерпел серьезные технологические изменения. Активно развиваются франчайзинговые схемы: предлагается использовать раскрученный узнаваемый бренд, располагающий широким ассортиментом и качеством турпродукта; агентства, работающие на условиях франшизы, получают продвижение и рекламную кампанию, которая и в низкий сезон становится эффективной. Бренд сам по себе является генератором, создающим устойчивый дополнительный поток клиентов. Тем более что их в агентство приводит и сайт туроператора, и его call-центр; франшиза предполагает также доступный порог входа в бизнес и льготные условия работы в сети; франшиза дает экономию на добавочных сервисах и проектах, к которым партнеры получают доступ в процессе работы.

Появились новые технологии продаж. Одна из таких – динамическое пакетирование туров. Суть предложения в том, что клиент приобретает не стандартный туроператорский препакетированный тур, а динамический пакет, составленный онлайн, в реальном времени, отталкиваясь от желаний и требований туриста, то есть уникальный продукт. Это становится возможным путем непосредственного доступа к ресурсным системам авиакомпаний, отелей и агрегаторов тур-услуг. По сути, каждый тур становится индивидуальным и собирается

за считанные минуты, причем выбираются оптимальные варианты. Поскольку работа идет в реальном времени, цены на динамический тур в динамическом пакете меньше в среднем на 20–30 %. Предполагается, что к 2020 году доля динамических туров в России достигнет 30 % рынка пакетного туризма. Ведь с помощью новой технологии выигрывают все участники процесса [8].

В-седьмых, качественно изменилось содержание туров. Итальянский турбизнес, опираясь на постоянно меняющиеся вкусы путешественников, в том числе и российских, вносит поправки в программы пребывания в Италии. Численность туристов, посетивших столицу Италии в 2017–2018 годах, выросла на 3 % по сравнению с предыдущим периодом, и составила 35 миллионов. Этому способствовала постоянно совершенствующаяся инфраструктура и отельный арсенал. Он представлен 400 местами размещения различного уровня, все они высокого качества и в основном традиционно придерживающихся системы ВВ. Новая туристическая концепция опирается на профиль российского туриста. Она получила название «торопливого туризма».

На основании анализа отчетов, по результатам исследований, проведенных крупнейшими туристическими метапоисковыми системами (Momondo, Booking.com), можно сформулировать основные тенденции 2018–2019 гг. Эксперты Booking.com провели исследование 128 миллионов мнений пользователей, опросили 19 тысяч туристов из 26 стран мира и выявили основные тенденции запросов в 2018–2019 гг. [9].

Основные тенденции в туризме в 2018 году перечислены ниже.

1. Спрос на необычные направления. Туристический бум в таких городах, как Амстердам, Париж и Венеция, Рим, Милан начал напрягать проживающее в этих городах население, у которого создается впечатление, что это не их город. Учитывая сложившуюся ситуацию, путешествующие (особенно самостоятельно формирующие свои туристические программы) отдадут предпочтение направлениям, где такое же разнообразие исторических мест, но нет такого столпотворения и не так дорого. Например, вместо прославленной Барселоны можно отдать предпочтение Севилье и Валенсии, которые не уступают столице Каталонии по исторической ценности [10].

2. Гастрономический туризм. Мода на еду существовала всегда, и в туризме также, начиная от систем питания до структуры и качества. Прогноз таков, что будущее гостротуризма не за дорогими ресторанами, а за посещением небольших рынков, кабачков или за домашними обедами у местных жителей. Все это нетрудно реализовать, используя такие сайты, как EatWith и Meal Sharing. Портрет

современного туриста – это бэкпекер, «человек под рюкзаком», интересующийся погружением в местную среду. Он старается обедать не в «туристических» ресторанах, а в заведениях «для местных».

3. *Нестандартный досуг.* Ранее отмечалось, что теряется интерес к стандартным и экскурсионным турам. Чтобы избежать однообразия, любители смены места, по прогнозам экспертов, будут конструировать отдых с целью преодоления себя. Определяющим фактором выбора поездки будет преодоление своих слабостей (пробежать полумарафон в Гетеборге, подняться на высочайшую вершину или проплыть по пути Васка де Гама, покорить Северный полюс и т. д.).

4. *Совмещение отдыха и работы.* Деловой и корпоративный туризм 2018–2019 гг. продолжат тренд совмещения деловых целей с организацией корпоративных мероприятий и отдыхом. Новой тенденцией становится «цифровое кочевничество», предполагающее обеспечение обычного производственного процесса или неполной загруженности в течение месяца или больше. Это позволяет создавать удаленные рабочие места и работать в разных частях света [11].

Новые технологии предоставляют широкие возможности для выбора направления путешествий и проживания. Исследуемый рынок очень подвижен. Новое поколение туристов формирует новую идеологию конструирования туров. Это требует от субъектов туристического рынка внимательного изучения факторов и тенденций развития, а также понимания, что опора только на привычные технологии – не всегда путь к успеху.

Библиографический список

1. Турция вернулась в лидеры. URL: <http://expert.ru/ural/2017/04/turtsiya-vernulas-v-lideryi/> (дата обращения: 02.10.2018).

2. Туроператоры сворачивают Россию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3359429> (дата обращения: 30.09.2018).

3. Какие курорты России выбирают внутренние туристы этим летом. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/40136.html> (дата обращения: 07.08.2018).

4. Туроператоры назвали самые популярные летние российские курорты. URL: <https://www.izh.kp.ru /online/news/2830215/> (дата обращения: 25.09.2018).

5. Туристический бизнес образца 2017 года: девять трендов растущего рынка. URL: <https://www.retail-loyalty.org/news/turisticheskiy-biznes-obraztsa-2017-goda-devyat-trendov-rastushchego-rynka/> (дата обращения: 23.09.2018).

6. Десять стран Европы, которые российские туристы полюбили в этом году. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26678.5/3701299/> (дата обращения: 02.10.2018).

7. Рейтинг надежности туроператоров в Екатеринбурге. URL: http://ekburg.travelata.ru/rating?referer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 01.10.2018).

8. В Россию пришло динамическое пакетирование туров. URL: <http://www.trn-news.ru/articles/22685> (дата обращения: 02.10.2018).

9. 8 главных тенденций в туризме в 2018 году. URL: https://tonkosti.ru/8_%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B9_%D0%B2_%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5_%D0%B2_2018_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83 (дата обращения: 30.09.2018).

10. Чего хотят миллениалы и почему они всех бесят. URL: <https://medialeaks.ru/0908mms-chego-hotyat-millennialyi-i-pochemu-oni-vseh-besyat-i-vyi-skoree-vsego-odin-iz-nih/> (дата обращения: 01.10.2018).

11. Прогноз основных трендов в туризме на 2018 год. URL: <https://www.stokurortov.ru/prognoz2018/> (дата обращения: 28.09.2018).

ГРНТИ 03.23.31

УДК 63.3(2)

А.И. Ганчар
(A.I. Ganchar)
ГГАУ, Гродно

**РЕШЕНИЕ УЧАСТИ
ССЫЛЬНОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1885 гг.)
THE RESOLUTION OF THE PLIGHT
OF THE EXILED ROMAN-CATHOLIC CLERGY
IN THE RUSSIAN EMPIRE (1865–1885 YEARS)**

В статье рассмотрен вопрос правового положения ссыльного римско-католического духовенства в Российской империи непосредственно после подавления восстания 1863 г. Показаны альтернативные варианты решения проблем содержания ссыльного духовенства, а также возвращения последних на прежние места служения. Размещена статистика ссыльного духовенства. Отражена позиция высшего римско-католического духовенства, Римского двора, а также

правительства Российской империи по разрешению ссылке римско-католическому духовенству заниматься прежней деятельностью.

The article deals with the legal status of the exiled Roman Catholic clergy in the Russian Empire immediately after the suppression of the uprising in 1863. Alternative solutions to the problems of the exiled clergy, as well as the return of the latter to their former places of service, are shown. Statistics of the exiled clergy is posted. The position of the highest Roman Catholic clergy, the Roman court, as well as the government of the Russian Empire on the permission of the exiled Roman Catholic clergy to engage in previous activities is reflected.

Ключевые слова: Российская империя, ссылка, Римско-католическая Церковь, духовенство.

Keywords: Russian empire, exile, Roman catholic Church, clergy.

После подавления восстания в 1863 г. в Российской империи большая часть ссыльных римско-католических (далее р.-к.) священников была выслана со своего прежнего места служения без сообщения оснований местному епархиальному начальству. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ) ограничился лишь уведомлениями о некоторых духовных лицах, присылаемых в местности, входившие в состав Могилевской р.-к. архиепархии. Кроме этого, канцелярия митрополита располагала собственными показаниями священников, ходатайствовавших о предоставлении им должностей. Других средств для сбора тщательных справок об основаниях высылки митрополит не имел. Для сокращения бесполезной переписки 15 июля 1876 г. митрополит всех р.-к. в Российской империи церковью А. Фиалковский просил управляющего министерством внутренних дел (далее МВД) князя Лобанова-Ростовского приказать сообщить ему список освобожденных от надзора полиции р.-к. священников, которые, по мнению МВД, могли бы воспользоваться высочайше дарованной милостью от 8 октября 1872 г. Согласно этому документу назначение лучших по поведению священников из категории ссыльных викарными к приходам великороссийских губерний по представлениям о каждом митрополита р.-к. церковью было возможно лишь по соглашению МВД с III Отделением собственной его величества канцелярии и с отдачей их под надзор и ответственность настоятелей и негласное наблюдение полиции. В период Турецкой войны 1877–1878 гг. действие высочайшего повеления от 13 мая 1871 г. почти прекратилось, так как III Отделение отклоняло ходатайства митрополита об этом.

С началом переговоров правительства Российской империи с Римским двором было обращено внимание и на положение ссыльных священников. В отклонение домогательства со стороны папского

управления в этом отношении ему было объявлено, что само правительство озабочено уменьшением по возможности числа священников в продолжение многих лет, остававшихся вне пастырских обязанностей. По соглашению главноначальствовавшего над ДДДИИ с министром внутренних дел было решено не предпринимать в отношении указанных лиц никакой общей меры, а на первое время дать движение ходатайствам митрополита, неразрешенным из-за несогласия бывшего III Отделения. Кроме того, было дано удовлетворительное разрешение и многим другим ходатайствам митрополита о назначении священников из категории ссыльных к должности vikарных, а также смягчении их участи. Со времени печальной катастрофы 1 марта 1881 г. изменение участи ссыльных священников прекратилось^{*}.

Ссыльные р.-к. духовные лица разделялись на две категории: высланные во время и за участие в польском восстании 1863 г. и высланные за различные преступления после мятежа.

Высылка лиц первой категории, количество которых простиралось до 450 (в т. ч. приговоренных к лишению сана), производилась по распоряжению главных местных начальств, на основании высочайше предоставленной им власти. ДДДИИ не принимал в этом деле никакого участия ни по отношению к выяснению степени виновности лиц, ни к выбору или указанию местностей, в которых они вдовворялись, ни к учреждению за ними надзора, ни, наконец, к устройству их материального положения. Исключение имело место лишь по отношению к устройству быта высылаемых начальников епархий: Варшавской – архиепископа Фелинского и епископа Н. Ржевусского, Виленской – епископа Красинского. При высылке этих лиц по ДДДИИ испрашивалось высочайшее соизволение на производство им содержания в том или другом размере. Департамент даже не имел полных сведений о духовных лицах, которые подвергались высылке. Иногда только департамент полиции исполнительной или канцелярия министра внутренних дел сообщали ДДДИИ о высылаемых священниках, а роль последнего ограничивалась простым сообщением факта митрополиту р.-к. церквей (ввиду состояния местностей, назначавшихся для жительства высылаемых в Могилевской архиепархии).

^{*} Дело об издании распоряжений и законоположений о порядке возвращения на родину, освобождения от надзора полиции и назначения на духовные должности р.-к. священников, привлеченных к ответственности за участие в польском восстании 1863 г. и др. политические преступления, и о назначении некоторых из них vikарными священниками в р.-к. приходы Курляндской губ. (11 февраля 1881 г. – 11 декабря 1886 г.) // Российский государственный исторический архив. Фонд 821. Оп. 125. Д. 3228. 123 л.

Такое отношение ДДДИИ к делу высылаемых продолжалось до 70-х гг. XIX в. Лишь однажды, в 1865 г., ДДДИИ был привлечен к разрешению вопроса о дозволении ссыльным священникам из нелишенных сана совершать общественные богослужения. Вопрос этот был разрешен в том смысле, что по усмотрению местного гражданского начальства ссыльным священникам дозволялось совершать крещение, бракосочетание и погребения и то лишь в неотложных случаях и каждый раз по особому разрешению губернатора. Это же правило применялось и к восходившим к МВД ходатайствам о разрешении ссыльным священникам совершать богослужение для местных католиков на Рождество и Пасху.

В 1871 г. по случаю дня рождения великого князя Георгия Александровича был издан всемилостивейший манифест 13 мая, объявленный с указа Пр. Сената 17 мая. Хотя по точному смыслу высочайшего повеления дарованные им милости касались исключительно политических преступников, лишенных всех прав состояния, а следовательно, относительно духовных лиц р.-к. исповедания лишь приговоренных к лишению сана, но МВД, по соглашению с III Отделением собственной его императорского величества канцелярии (циркуляр по департаменту полиции исполнительной от 7 июля 1871 г. за № 154), было разъяснено, что в п. 3 этого манифеста в числе преступников, пробывших в губерниях европейской России 2 года, имелись в виду также сосланные в эти губернии по суду без лишения прав и в административном порядке. Далее циркуляром от 9 июля 1871 г. применение манифеста ставилось в зависимость от начальников губерний. Результатом этого стало применение манифеста и к р.-к. священникам, высланным под надзор полиции в великорусские губернии административным порядком, и священники эти освобождались от надзора и свободно избирали себе место жительства, кроме Западного края.

Количество р.-к. священников, высланных по политической неблагонадежности без лишения прав, простиралось до 300, а сосредоточение их в местности, где проживали влиятельнейшие из высланных духовных лиц р.-к. исповедания или в местностях, пограничных с Западным краем, при праве свободного разъезда по великорусским губерниям и при отсутствии за ними надзора могло, по мнению ДДДИИ, вредно отразиться на ходе дел, касавшихся РКЦ. Директор одноименного департамента просил разрешения министра внутренних дел, совместно с департаментом полиции исполнительной, разработать меры для устранения указанных неудобств освобождения

от надзора и к предупреждению возможности противоправительственных проступков со стороны тех, кто уже был освобожден от надзора на основании высочайшего повеления от 13 мая 1871 г.*

С этого времени все дела о поднадзорных сосредотачивались во вновь учрежденном в составе МВД Судебном отделе и решались на основании постановлений Особого совещания (Судебный отдел, готовя дела об освобождении от надзора р.-к. священников к докладу Совещания, с ДДДИИ сношений не делал, а лишь сообщал ДДДИИ решение Совещания, и то не всегда). Тем же циркуляром от 28 апреля 1872 г. было установлено, чтобы губернаторы при разрешении ходатайств, освобожденных уже от надзора р.-к. священников о разрешении переселиться в иную местность, предварительно сносились с ДДДИИ. В то же время губернаторам в подведомственных губерниях, в которых проживали высланные начальники р.-к. епархий, предложено было иметь особое наблюдение за прибывавшими священниками из категории ссыльных.

В июле 1872 г. митрополит р.-к. церквей, описывая бедственное положение ссыльных священников и ссылаясь на недостаток в архиепархии духовенства, вошел с ходатайством о разрешении допускать их к приходским должностям. Ходатайство это, по соглашению с шефом жандармов, признано заслуживающим внимания и было представлено министром внутренних дел на высочайшее благоволение. 8 октября 1872 г. последовало высочайшее соизволение на допущение р.-к. священников из категории ссыльных (кроме Западного края) к должностям vikарных при р.-к. церквях в великороссийских губерниях (по представлению о каждом митрополита р.-к. церквей и по соглашению министра внутренних дел с Главным начальником III Отделения собственной его императорского величества канцелярий). При этом, в виду того что с освобождением от надзора р.-к. священники лишились содержания, которое получали от казны в качестве поднадзорных, и этим многие из них были поставлены в бедственное положение, министру внутренних дел было предоставлено право тем из них, которые, будучи одобряемы в поведении и не имея средств к жизни, не получают назначения к приходу, производить пособие по 6 рублей в месяц из остатков от содержания

* Дело об издании распоряжений и законоположений о порядке возвращения на родину, освобождении от надзора полиции и назначения на духовные должности р.-к. священников, привлеченных к ответственности за участие в польском восстании 1863 г. и др. политические преступления, и о назначении некоторых из них vikарными священниками в р.-к. приходы Курляндской губ. (11 февраля 1881 г. – 11 декабря 1886 г.) // Российский государственный исторический архив. Фонд 821. Оп. 125. Д. 3228. 123 л.

р.-к. духовенства в Российской империи. Тем же из священников, которые были одобрены в поведении местным начальством, но не получили назначение по независящим от них обстоятельствам, разрешалось производить пособие по 72 рубля в год из остатков от содержания р.-к. духовенства. Следует также отметить, что повеление от 8 октября 1872 г. исключало все ранее изданные повеления относительно смягчения участи политических преступников вообще.

31 мая 1873 г. по всеподданнейшему докладу шефа жандармов последовало высочайшее соизволение на немедленное освобождение от надзора полиции всех сосланных по делам польского мятежа. Но в отношении р.-к. священников был сохранен порядок освобождения их от надзора МВД по представлению губернаторов (циркуляр от 31 мая, 4 августа и 7 октября 1873 г. за №№ 84, 114 и 158 департамента полиции исполнительной). 9 января 1874 г. в ознаменование бракосочетания великой княжны Марии Александровны были дарованы милости политическим преступникам, подвергшимся обвинениям по 1 января 1871 г. И снова, невзирая на ходатайство митрополита, исключение было сделано для ссыльных р.-к. священников^{*}.

В развитие высочайшего повеления 1872 г., в 1881 г., по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел последовало высочайшее соизволение на включение прибалтийских губерний в район местностей, в которые р.-к. священники из категории бывших ссыльных могли быть назначены викарными в порядке, указанном высочайшим повелением от 8 октября 1872 г. Основанием к этому послужили, с одной стороны, недостаток духовенства как в Могилевской архиепархии (губернии Эстляндская и Лифляндская), так и в Тельшевской р.-к. епархии (Курляндская губерния), с другой стороны – соображение, что эти губернии в отношении применения указанной меры находятся в одинаковых условиях с теми из великороссийских губерний, которые были смежны с Северо- и Юго-Западным краем. На основании этого высочайшего повеления в том же году девять из проживавших в Курляндской губернии освобожденных от надзора полиции р.-к. священников были допущены к должностям викарных при местных р.-к. церквях.

^{*} Дело об издании распоряжений и законоположений о порядке возвращения на родину, освобождении от надзора полиции и назначения на духовные должности р.-к. священников, привлеченных к ответственности за участие в польском восстании 1863 г. и др. политические преступления, и о назначении некоторых из них викарными священниками в р.-к. приходы Курляндской губ. (11 февраля 1881 г. – 11 декабря 1886 г.) // Российский государственный исторический архив. Фонд 821. Оп. 125. Д. 3228. 123 л.

Рядом с указанными мероприятиями к облегчению участи ссыльных священников были принимаемы меры к предупреждению возможности их вредной деятельности. В этих видах в 1872 г., по соглашению ДДДИИ с департаментом полиции исполнительной, принято было за правило не допускать ссыльных священников на жительство в города, где проживали высланные начальники р.-к. епархий, а именно: в г. Ярославль (архиепископ Фелинский), в г. Вятку (епископ Красинский), в г. Астрахань (епископ Н. Ржевусский) и в г. Пермь (епископ Боровский, переведенный позже в г. Плоцк). Таким образом, только в отношении ходатайств ссыльных священников о предоставлении должности, о назначении пособия и о переводе на жительство в ту или другую местность, имелись основания к их разрешению. Все прочие ходатайства лиц этой категории разрешались в каждом отдельном случае по соображению личности просителя, предмета его прошения и политических обстоятельств времени.

Ходатайства последнего рода могут быть разделены на четыре вида: о разрешении временного пребывания на родине; о разрешении возвратиться на родину навсегда; о полном помиловании; об увольнении из русского подданства.

Ходатайства 1-го вида, хотя и находились в противоречии с изданным 1 сентября 1871 г. по департаменту полиции исполнительной правилами «О порядке разрешения временного пребывания в Западном крае лиц, высланных с оного по политическим причинам» (п. 3 запрещал приезд в Западный край высланным из оного лицам из р.-к. духовенства), тем не менее получали движение и разрешались МВД по соглашению с местной гражданской властью. Прочие ходатайства представлялись в уважительных случаях на высочайшее благовоззрение. Но количество их, впрочем, было очень незначительно — 8, и большинство приходилось на последние годы царствования императора Александра II. Событие 1 марта 1881 г. остановило разрешение ходатайств подобного рода, даже признанных уважительными.

Высочайше утвержденным 10 февраля 1881 г. положением Комитета по делам Царства Польского главноначальствующему над ДДДИИ было предоставлено войти в сношение с варшавским генерал-губернатором о составлении общего списка р.-к. священников, удаленных из р.-к. епархий Царства Польского, возвращение которых признавалось возможным. Вследствие этого 23 июня 1881 г. на высочайшее благовоззрение было предоставлено возвращение в Царство Польское 10 лиц духовного звания, но император велел повременить

и не торопиться возвращать без особой необходимости. Вплоть до 1882 г. было только два случая возвращения на родину ссыльных священников. Все остальные ходатайства были оставлены без изменения.

Относительно устройства участи р.-к. духовных лиц, высланных за различные проступки после мятежа, количество которых простиралось до 47 (в т. ч. епископ Боровский, прелат Крушинский), соблюдались те же начала, как и относительно лиц 1-й категории. Последний случай высылки имел место в 1882 г.: священник Рачковский был выслан по распоряжению министра внутренних дел, основанному на представлении виленского генерал-губернатора, в Костромскую губернию под надзор полиции за вредное направление, выражавшееся в целом роде действий с 1877 г.

Что же касается высланных р.-к. духовных лиц, то все они подвергались этой участи или на основании приговора суда, или по распоряжению администрации. В отношении степени виновности они могут быть разделены также на два вида: одни высланы за определенные проступки (участие в мятеже, неповиновение правительству, нарушение закона, пропаганду и т. п.), другие – по политической неблагонадежности, т. е. не за известную вину, а лишь для устранения вредного их влияния на население данной местности.

Выше было отмечено, что р.-к. священники, приговоренные к лишению всех прав состояния, как непринадлежавшие более к духовному сословию, не состояли в ведении ДДДИИ. По рассмотрении этого дела главноначальствующий над ДДДИИ остановился на соображениях, что многие р.-к. духовные лица были приговорены к лишению сана, но эти приговоры не сообщались духовному началству для распоряжений к исполнению, как того требовал закон. Вследствие этого в действительности ни один из указанных священников не был лишен духовного звания. В тексте высочайшего повеления от 13 мая 1871 г. о смягчении участи политических преступников относительно восстановления прав состояния лиц, приговоренных за польские смуты военным судом к лишению таковых, употреблено выражение «возвратить им прежние права состояния». Для лиц из р.-к. духовенства указанное выражение имело смысл признания за ними принадлежности к духовному сословию, которое составляло особое в государстве состояние.

Ввиду этого было признано соответственным представить на высочайшее благоволение прошение бывшего р.-к. священника Явшица о разрешении ему священнодействования. После рассмотрения доклада об этом статс-секретарем Маковым император Александр II

в январе 1881 г. собственноручно написал на нем: «В Комитет министров». Впоследствии было сделано сношение с министром юстиции, который, разделяя основательность приведенных юридических соображений, со своей стороны полагал возможным применить их в виде смягчения участи к отдельным, заслуживающим того, лицам. Между тем в управление МВД вступил граф Игнатьев, который после предварительного внесения дела на рассмотрение Комитета министров остановился перед следующими обстоятельствами:

1) количество уже освобожденных от надзора полиции р.-к. священников из высланных без лишения прав, но не получивших назначения на должности, было довольно значительным;

2) в виду строгости, с которой относилось министерство к выбору личностей при назначениях, а также установившегося правила не допускать по возможности к одной церкви одновременно нескольких викарных из категории ссыльных, нельзя было ожидать скорого уменьшения их наличного количества;

3) даже в случае признания прав на духовный сан за лицами из р.-к. духовенства, приговоренных к лишению оно, вакантные духовные должности предоставлялись бы предпочтительно священникам из категории высланных без лишения прав, и таким образом существенного изменения в судьбе первых не последовало бы;

4) ближайшим последствием предполагавшейся меры было лишь увеличение количества безместных священников.

Ввиду сказанного граф Игнатьев обратился к императору за дальнейшими указаниями. Император (в отмену январского высочайшего повеления 1881 г.) повелел оставить это дело без движения в виду многочисленности р.-к. священников из числа сосланных без лишения прав, способствуя выезду за границу священников без места, если они выразят на то желание. Но в таковом случае возвращение не могло разрешаться иначе, как с крайним разбором*.

Неоднократные решения правительства по облегчению участи жителей Российской империи не касались участи р.-к. духовенства.

В этой среде светская власть видела угрозу своему положению, ведь духовенство своими проповедями могло создать неблагоприятную политическую обстановку на местах. Выжидательная позиция

* Дело об издании распоряжений и законоположений о порядке возвращения на родину, освобождении от надзора полиции и назначения на духовные должности р.-к. священников, привлеченных к ответственности за участие в польском восстании 1863 г. и др. политические преступления, и о назначении некоторых из них викарными священниками в р.-к. приходы Курляндской губ. (11 февраля 1881 г. – 11 декабря 1886 г.) // Российский государственный исторический архив. Фонд 821. Оп. 125. Д. 3228. 123 л.

правительства империи была связана с естественным процессом старения духовенства, поскольку относительно молодое духовенство было более активно в отстаивании своих жизненных идеалов.

ГРНТИ 05.11.27

УДК 325.14

Д.А. Белащенко, А.П. Шмелев, И.Ф. Шоджонов
(D.A. Belashchenko, A.P. Shmelev, I.F. Shodzhonov)
ННГУ, Нижний Новгород

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ТАДЖИКОВ
В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ
НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PROBLEM ASPECTS OF TAJIC SOCIALIZATION
IN HOSTING COMMUNITY ON EXAMPLE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Целью данной статьи является рассмотрение основополагающих аспектов социализации выходцев из Республики Таджикистан в принимающем сообществе Российской Федерации. В статье также описываются проблемные точки коммуникации трудовых мигрантов с титульной нацией. Кроме того, рассматривается процесс формирования образа рядового трудового мигранта в сознании принимающего сообщества. Определяются основные направления миграционной политики РФ. Выделяются проблемные стороны взаимодействия трудовых мигрантов с органами власти, осуществляющими миграционную политику.

The aim of this article is to observe the main aspects of Tajiks socialization in Russian society. In the article, authors marked the problematic points of communication between labor migrants and the titular nation. Moreover, authors observed the process of the typical labor migrant image formation in the consciousness of the host community. The main directions of the Russian migration policy were determined. Also, key points of labor migrants and Russian authorities careening the migration policy interaction were highlighted.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Российская Федерация, таджики, трудовая миграция, социализация, коррупция, бюрократия, проблемные аспекты.

Keywords: Republic of Tajikistan, Russian Federation, tajiks, labor migration, socialization, corruption, bureaucracy, problematic aspects.

Феномен трудовой миграции является неотъемлемой частью социально-политической реальности Российской Федерации на протяжении многих лет. Стоит отметить, что существует несколько

концептов трудовой миграции, свойственных российской действительности. Миграция внутри страны, обусловленная более комфортными условиями труда и самореализации граждан в центральных районах чем на периферии, а также потоковая трудовая миграция из-за рубежа, имеющая, в целом, те же качественные характеристики, что и внутренняя.

Отмечая особенности внешней трудовой миграции, необходимо подчеркнуть, что существуют центры, являющиеся в своем роде поставщиками трудовых мигрантов на территорию России, а именно: Узбекистан, Украина и Таджикистан. Более 3 млн жителей этих государств, по статистике 2017 года, проживают на территории РФ в качестве трудовых мигрантов разной степени занятости [1].

Вариативность профессиональной дифференциации по настоящему поражает тем фактом, что Россия на данный момент становится государством, в котором представлен весь спектр трудовых мигрантов, начиная от разнорабочих, приехавших в страну с целью получения краткосрочной прибыли, до высококвалифицированных специалистов, ищущих перспективное место для своего профессионального становления.

Не оставляет никаких сомнений тот факт, что на данный момент регулирование трудовой миграции, а также взаимодействие с трудовыми мигрантами являются одними из основных вопросов на повестке дня. В рамках исследования данной проблематики можно акцентировать внимание на одном из основных направлений трудовой миграции, а именно – на потоковой миграции из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию.

В Таджикистане в трудовую миграцию вовлечено порядка миллиона человек. Стоит отметить, что большинство трудовых мигрантов представлено лицами мужского пола, что во многом обуславливает такой демографический резонанс в рамках статистических оценок населения страны [2].

Относительно количества мигрантов, прибывших в РФ в течение первой половины 2018 года, стоит отметить спад активности трудовых мигрантов по сравнению с прошлыми годами. Общее количество прибывших составляет примерно 488 тысяч человек, что на 30 тысяч меньше по сравнению с прошлым годом, но в то же время отмечается и спад уровня оттока трудовых мигрантов с территории Российской Федерации. В 2017 году на родину вернулось всего около 413 тысяч человек, что на 6 % меньше чем в 2016 году, а в отчетный период с января по март 2018 года – приблизительно 85 тысяч человек вернулись в Республику после трудовой миграции [3].

Выделяя особенности трудовой миграции из Таджикистана в Россию, стоит отметить, что на данный момент сформировано целое поколение детей, родившихся в семьях трудовых мигрантов, а это накладывает соответственный отпечаток на их дальнейшее становление и развитие. Во многом дети трудовых мигрантов повторяют опыт родителей, приезжающих на заработки в другую страну, но также существует отдельный слой молодежи, являющейся детьми людей, сменивших гражданство своей страны на гражданство принимающего сообщества. Данный концепт неизменно приводит к формированию очага культурного взаимодействия между представителями одной народности, что впоследствии перерастает в слаженное и структурно оформленное сообщество внутри государства, в котором протекает трудовая миграция [4].

Тем не менее, несмотря на тот факт, что в течение долгих десятилетий сформировался культурно-социальный слой представителей таджикской нации в рамках российской действительности, остается еще целый ряд проблем, связанных с их социализацией на принимающей территории. Истоками данной проблемы может служить сложившийся в умах россиян стереотипный образ таджикского мигранта-гастарбайтера, приехавшего в Россию на заработки. Данный образ включает в себя плохое знание языка принимающей стороны, неудовлетворительные условия проживания, нелегальное нахождение и нерегламентированная трудовая деятельность.

Вышеперечисленные критерии являются одними из наиболее явных в представлении обывателей, но также есть ряд факторов, благодаря которым рядовой таджикский гастарбайтер превращается в наркоторговца или террориста. Данный факт обусловлен в большинстве своем внутренней обстановкой в Центральной Азии, пограничными проблемами между Таджикистаном и Афганистаном, трафиком наркотиков, оружия и вербовкой террористов.

Следовательно, в умах людей такой образ вызывает опасения и отторжение, что сказывается на уровне взаимодействия в условиях повседневного общения. Проявление необоснованной агрессии по отношению к лицам другой национальности становится свойственно гражданам принимающей стороны, что доказывается существованием националистических движений, продвигающих идеи в рамках лозунга «Россия для русских» [5].

Но стоит отметить, что такие идеи могут быть пагубны и для граждан принимающего сообщества за рубежом, что обосновывается идеей реваншизма. Унижение, полученное от представителя доминирующей нации в их стране, может проявиться в рамках ответного

унижения, но уже к представителям принимающей нации на родине мигранта.

Очевидно, что в рамках таких условий нельзя говорить о качественном уровне жизни трудовых мигрантов из Таджикистана. В дополнение к этому стоит добавить, что внутренние условия оформления деятельности также оставляют желать лучшего. В большинстве случаев мигранты либо находятся на территории государства на нелегальных основаниях, либо прибегают к обману, заказывая в различных криминальных фирмах фальшивые регистрации и разрешения на работу, что также пагубно сказывается на качестве их жизни и отношениях с принимающим сообществом.

Отличительным фактом является то, что многие мигранты не проявляют желания к соблюдению всех норм официального трудоустройства ввиду долгосрочного оформления документов и затягивания процесса регистрации. В данном аспекте вина сторон представляется обоюдной, так как принимающие структуры не имеют четкой и эффективно работающей процедуры приема и оформления трудовых мигрантов, а приезжающие мигранты из-за зачастую жесткой необходимости заработка не могут позволить себе долговременную бумажную волокиту.

Вопросы бюрократического характера в рамках оформления трудовой миграции на данный момент в РФ возложены на многофункциональные миграционные центры, управления миграционной службы и подобные структуры. Проблемный аспект работы этих центров заключается в коррупционной составляющей при решении миграционных вопросов, регистрации мигрантов, выдаче патентов, прохождении медицинской комиссии, получении платной страховки и сдаче экзамена на знание русского языка [6].

Интересно, что центры, крупнейшим из которых является Московский ММЦ, создавались, в первую очередь, для борьбы с теневым бизнесом по регистрации и оформлению трудовых мигрантов, но система подверглась совершенно другой угрозе. Коррупция приобрела новые проявления: места в очереди на регистрацию стали товаром на черном рынке миграционной мафии [6].

Нельзя утверждать, что это было неправильное решение, с точки зрения властей РФ, но последствия, с точки зрения представителей диаспоральных сообществ таджиков в России, оказались не столь положительными. Процедура оформления дополнилась еще одним бюрократическим звеном. Вероятно, наилучшим выходом из ситуации может стать расширение числа ММЦ на территории РФ и ужесточение процедуры оформления трудовых мигрантов.

Проблемный аспект социализации выходцев из Республики Таджикистан остается актуальным для большинства регионов России, и в данном вопросе сглаживающую роль играет существование общественных организаций, занимающихся вопросами взаимодействия представителей РТ в тех или иных административно-территориальных единицах РФ. Роль диаспоральных структур по-настоящему велика, так как в современных условиях они становятся в некоем роде платформой для налаживания социокультурных отношений на территории принимающей стороны.

Диаспоральные структуры находятся в постоянном тесном контакте с региональными, областными, муниципальными властями, что позволяет вести эффективный диалог по совместным действиям в рамках благоустройства среды проживания представителей разных национальностей в Российской Федерации. Примером взаимодействия диаспоральных структур и представителей власти может быть деятельность нижегородской региональной общественной организации выходцев из Республики Таджикистан «Умед» («Надежда»).

Организация тесно сотрудничает с министерством внутренней политики Нижегородской области, принимает активное участие в различных мероприятиях общественного характера, таких как: «Парад дружбы народов»; межнациональный турнир по мини-футболу, объединивший под своей эгидой представителей более 11 национальностей, проживающих на территории Нижегородской области; молодежный форум «Высота», на котором организация наряду с представителями диаспорального сообщества представляла свою культуру и др.

Представители организации заняты и в социально значимых мероприятиях. Они участвуют в субботниках, благотворительных инициативах (примером может быть благоустройство сада при детском доме города Дзержинск), а также принимают участие в научно-практических инициативах на городском и областном уровнях.

Кроме того, представители организации входят в Межнациональный совет Молодежного парламента при Законодательном собрании Нижегородской области, что указывает на заинтересованность организации в продвижении молодежных инициатив на областном уровне, а также на желание создать комфортную среду для таджикской молодежи в принимающей среде Нижегородской области.

На данный момент можно резюмировать, что проблема трудовой миграции и, что еще более важно, социализации трудовых мигрантов, является злободневной. Во многом это определяется бюрократизированностью процедуры оформления трудовых мигрантов, наличием

большого количества криминальных и теневых элементов в сфере трудовой миграции, притоком неквалифицированных и нелегальных мигрантов, межнациональными противоречиями между мигрантами и принимающим обществом.

В то же время стоит отметить, что внимание к данному вопросу с каждым годом возрастает и обретает новые проявления и варианты устранения или кардинального смягчения существующих противоречий. Это бесспорно является показателем положительной динамики в области формирования положительных межнациональных отношений в Российской Федерации. На наш взгляд, именно участие национальных организаций и диаспоральных структур в общественной, культурной, спортивной, научной и прочих сферах позволит существенно упростить процесс социализации и в определенной степени гармонизировать межнациональное взаимодействие на различных уровнях.

Библиографический список

1. Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).
2. Нуралиев Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию // ЭСМ: федеральный образовательный портал. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/038/924/1219/009.NOURALIEV.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).
3. Попов Д.С. Трудовая миграция из Таджикистана в цифрах // Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/analytics/17465/> (дата обращения: 07.10.2018).
4. Касимова С.Р. Гендерная социализация детей в контексте трудовой миграции из Таджикистана // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/analit02.php> (дата обращения: 07.10.2018).
5. Аркаев С.А., Аркаев А.С. Таджикиские мигранты в этнокультурном пространстве Башкортостана // Киберленинка: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tadzhikskie-migranty-v-etnokulturnom-prostranstve-bashkortostana> (дата обращения: 07.10.2018).
6. Таджики против миграционных правил России. URL: <http://www.dailysmi.net/news/540666/> (дата обращения: 07.10.2018).

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ PROBLEMS OF NATURE MANAGEMENT IN RUSSIA

ГРНТИ 68.47.75+11.15.25

УДК 321.01+630

Е.Ю. Литвинец
(E.YU. Litvinec)
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В РФ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКИ LEGAL PROVISION OF FOREST USE IN THE RUSSIAN FEDERATION FROM A VIEW OF EFFICIENCY MODERN FOREST POLITICS

В статье рассматривается проблема эффективности лесного законодательства РФ. Основным критерием выбрано соответствие заявленным целям лесной политики. Приведена характеристика Лесного кодекса РФ в сфере лесопользования и оценка его норм в свете современного состояния лесного хозяйства. Проанализированы недостатки правового обеспечения деятельности лесопользователей – арендаторов. Установлена связь между несовершенством лесного законодательства и состоянием лесного хозяйства РФ.

The article deals with the problem of the effectiveness of forest legislation of the Russian Federation. The main criterion is the compliance with the stated objectives of forest politics. The characteristic of the Forest Code of the Russian Federation in the field of forest management and the assessment of its norms in light of the current state of forestry are given. The shortcomings of legal support of the activity of forest users – tenants are analyzed. A connection has been established between the imperfection of forest legislation and the state of forestry in the Russian Federation.

Ключевые слова: лесная политика, лесное хозяйство, лесоуправление, лесопользование, Лесной кодекс РФ, аренда лесного участка, лесовосстановление.

Keywords: forest politics, forestry, forest management, forest use, Forest Code of the Russian Federation, lease of forest area, reforestation.

Совершенствование лесной политики является важным направлением модернизации России. Объектом лесной политики является лес, выступающий в качестве природного ресурса и экологической системы одновременно. Лес – это стратегический возобновляемый ресурс, эффективность использования которого определяет благосостояние государства и благополучие граждан. Важнейшей задачей Российского государства является разработка эффективной лесной политики как составляющей стратегии национального развития.

Лесная политика представляет собой динамичную систему, состоящую из взаимосвязанных друг с другом элементов: идеологического (концепция развития, т. е. постановка целей и приоритетов), нормативного (лесное законодательство), институционального (институты, обеспечивающие реализацию целей и задач всех субъектов лесопользования), финансово-экономического (платежи за пользование лесными ресурсами, финансовое стимулирование) и культурно-информационного (лесная наука, образование, информационное воздействие на лесопользователей). Идеологические основы лесной политики России отвечают принципам устойчивого развития – концепции, являющейся достижением общемирового сотрудничества в вопросах сохранения глобального благополучия и экологической безопасности.

В утвержденных в 2013 г. «Основах государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года», обозначивших всему мировому сообществу вектор лесной политики России, отмечено, что государственная лесная политика направлена, с одной стороны, на сохранение и приумножение лесов, а с другой стороны, – на максимальное удовлетворение потребностей граждан в продуктах и полезных свойствах леса. Кроме того, указана необходимость создания на государственном уровне условий, обеспечивающих устойчивое и динамичное развитие лесного сектора экономики» [1].

В то же время лесная политика представляет собой процесс, включающий принятие и исполнение управленческих решений, контроль над их реализацией. Проведение национальной лесной политики базируется на правовом обеспечении, которое должно соответствовать ее основному содержанию и смыслу. Нормативно-правовые акты, регулирующие лесные отношения, представляют собой определенную систему, содержание которой предопределено нормами Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу. Лесное право включает в себя нормы целого ряда отраслей законодательства: лесного, гражданского, административного, земельного, природоохранного, водного. Основным источником, регулирующим отношения в сфере лесопользования в России, является Лесной кодекс РФ, принятый Государственной думой и подписанный президентом в 2006 г.

Лесной кодекс создавался с целью увеличения эффективности использования лесов. В основу легла идея активного внедрения рыночных механизмов в лесные отношения вплоть до введения частной собственности на лесные участки [2]. Соответственно,

предполагалось переложить затраты на ведение лесного хозяйства с государства на собственника или арендатора. Из-за протестов общественности ввести право частной собственности на леса законодателям не удалось. Согласно статье 8 ЛК РФ, лесные участки в составе лесного фонда могут находиться только в федеральной собственности. Однако формы собственности на лесные участки в составе земель иных категорий определяются в соответствии с земельным законодательством, т. е. могут находиться в собственности юридических и физических лиц, что, очевидно, предполагает заинтересованность последних в переводе лесных земель в другие категории [3].

Вступивший в силу с 1 января 2007 г. Лесной кодекс практически сразу потребовал внесения в него поправок и дополнений, последние из которых были приняты в 2017 г. С одной стороны, он характеризуется непроработанностью ряда норм и понятийного аппарата. Отсутствуют определения терминов «лесной фонд», «участок лесного фонда», «группы лесов», «лесное хозяйство», «лесопользование», «рубки главного пользования» и др. Кодекс содержит большое количество отсылочных норм, т. е. предполагается, что решения правительства РФ и других ведомств детально урегулируют те или иные его положения [3]. С другой стороны, Кодекс разрушил старую систему органов лесного хозяйства, что привело к дезорганизации лесопользования, сокращению объемов заготовки древесины, лесовосстановительных работ, охраны лесов от незаконных рубок, пожаров и вредителей.

Система лесных отношений, созданная ЛК РФ, основана на передаче основных полномочий в области управления лесами органам государственной власти субъектов Российской Федерации и возложении ответственности за хозяйственное управление лесами на частный бизнес на землях лесного фонда, переданных в аренду.

Согласно нормам Лесного кодекса, участки лесного фонда предоставляются гражданам и юридическим лицам на правах аренды (с целью заготовки древесины или других видов лесопользования), купли-продажи лесных насаждений (заготовка древесины без предоставления лесного участка, геологическое изучение недр, разработка месторождений полезных ископаемых с предоставлением лесного участка и проведением рубок лесных насаждений) и ряда других видов пользования.

Изучение структуры лесопользования позволяет предположить, что аренда (на срок до 49 лет) является более эффективным вариантом обеспечения устойчивого лесопользования (табл. 1).

Таблица 1

Распределение объема заготовки древесины
по формам использования, % [4]

Форма использования лесов	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Аренда лесных участков	72,24	73,87	75,94	78,50	80,26	80,92
Постоянное (бессрочное) пользование	0,86	0,86	1,10	1,09	1,11	1,07
Договор купли-продажи В т. ч. заготовлено древесины по договорам купли-продажи для собственных нужд граждан	26,9 9,66	25,27 9,84	22,96 9,42	20,41 8,28	18,63 7,6	18,01 6,92
Всего	100	100	100	100	100	100

Главной особенностью договора аренды лесного участка стало обеспечение в процессе лесопользования общественных интересов, т. к. лесовосстановительные работы, санитарно-оздоровительные мероприятия и мероприятия по противопожарному обустройству были возложены на арендатора. Круг обязанностей покупателя лесных насаждений гораздо меньше, а главной обязанностью стало осуществление заготовки древесины в согласованном объеме, а также выполнение комплекса работ по ведению лесосеки и обеспечение сохранения подроста на определенной договором площади. При этом и заключение договора аренды (это может осуществить как физическое, так и юридическое лицо), и заключение договора купли-продажи лесных насаждений в основном возможно только по результатам аукциона.

Кроме того, аренда заключается на срок от 10 до 49 лет, и ее объектом может быть только земельный участок, прошедший кадастровый учет. Договор купли-продажи лесных насаждений заключается на краткосрочный период, не превышающий 1 год (это достаточный срок для вырубki древесины), не подлежит государственной регистрации и не требует кадастрового учета [3].

Передача лесохозяйственных и противопожарных функций регионам и арендаторам не могла не отразиться на основных показателях состояния лесов и лесовосстановления. Немалую роль в этом сыграло и упразднение практики выдачи лесхозами лесорубочных билетов,

лесных билетов, ордеров, т. е. документов строгой отчетности, подтверждающих законность заготовки и продажи древесины. На смену институту лицензирования пришло декларирование лесозаготовок со стороны арендаторов лесного фонда, что, с одной стороны, упрощает лесопользование, а с другой – открывает неограниченные возможности для проведения нелегальных рубок, уже достигших опасных масштабов. Также на арендаторов и других лесопользователей была возложена задача лесоустройства, лежащая в основе планирования лесного хозяйства. Это привело к ухудшению информационного обеспечения государственного управления лесами.

Огромный урон лесному хозяйству был нанесен ликвидацией лесной охраны, существовавшей в России более 200 лет: ее полномочия были переданы региональным администрациям. По мнению экспертов, это привело к катастрофическим лесным пожарам 2010 г., когда в ряде регионов вводилось чрезвычайное положение [5]. В результате в этом же году были введены поправки в Лесной кодекс, включающие наделение работников лесничеств дополнительными полномочиями для обеспечения защиты лесов от пожаров и нарушений лесного законодательства.

Это не позволило вернуть прежний уровень охраны лесов, т. к. лесничество оказались перегружены работой. К тому же важнейшим фактором, определяющим численность лесных инспекторов, стало финансирование лесных полномочий, переданных субъектам РФ. Охрана лесов на землях лесного фонда – это (согласно действующему законодательству) полномочия Российской Федерации, финансируемые за счет субвенций из федерального бюджета.

Таким образом, действующий Лесной кодекс ослабил низовое звено лесопользования, сократив функции лесхозов (теперь они были преобразованы в лесничества и лесопарки, не имеющие соответствующего правового статуса). До реформы это была важнейшая административная единица, в состав которой входили лесничества, лесники, служба по охране и защите леса.

В результате указанных недостатков правового механизма лесопользования после 2007 г. и по сей день наблюдаются тревожные тенденции ухудшения состояния лесных ресурсов, среди которых наиболее опасными представляются лесные пожары, незаконные рубки леса и ухудшение их качества. Общая площадь погибших лесных насаждений, расположенных на землях лесного фонда, в 2016 г. составила 270,2 тыс. га. Основными причинами гибели насаждений в 2016 г. были лесные пожары, погодные условия и

почвенно-климатические факторы, болезни леса и повреждения вредителями [6]. Наибольшие площади погибших лесных насаждений расположены в Сибирском, Дальневосточном и Центральном федеральных округах; это более 80 % от всего объема гибели по стране. Наибольшие показатели перечисленных бедствий приходятся на те регионы, где ощущается самая существенная нехватка лесных инспекторов.

Результатом экстенсивного лесопользования и гибели лесных насаждений стал неблагоприятный для лесной промышленности процесс замещения хвойных пород мягколиственными. Он объясняется в определенной степени закономерным ходом смены хвойных пород на лиственные на вырубках и гарях. Однако основная причина сокращения площадей хвойных деревьев – неэффективное ведение лесного хозяйства, ориентирующегося на экстенсивное освоение лесных ресурсов и недостаток объемов ухода за лесами [6].

Начиная с 2010 г., площадь сплошных рубок превышает площадь лесов, на которых осуществляется лесовосстановление (табл. 2). За 2010–2016 гг. накопленная площадь невосстановленных рубок составила около 1,4 млн га.

Таблица 2

Динамика объемов рубок
и лесовосстановительных работ в 2010–2016 гг. [4]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Сплошные рубки, тыс. га	781,0	904,4	873,4	969,2	927,8	938,5	995,5
Лесовосстановление, тыс. га	813	856,7	839,5	870,3	863,8	802,8	842,7
В т. ч. искусственное	170,8	196,5	182,8	186,9	187,4	182,2	178,8
Обеспеченность сплошных рубок лесовосстановлением, %	88	84	83	81	80	75	74
Доля искусственного лесовосстановления, %	21	23	22	21	22	23	21

Преобладающим способом лесовосстановления, как видим, является содействие естественному восстановлению. Низкая обеспеченность создаваемых культур уходами приводит к их гибели – в отдельные годы до 60 % лесных культур погибало из-за зарастания мягколиственными породами [6].

Таким образом, очевидно, что арендаторы лесных участков недостаточно заинтересованы в воспроизводстве лесов, лесное законодательство должным образом не регулирует их деятельность.

Указанная динамика основных показателей лесного хозяйства указывает на целый комплекс взаимосвязанных проблем, требующих скорейшего решения. Совершенствование лесного законодательства является одной из главных задач современной лесной политики России.

Библиографический список

1. Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 40.

2. Как принимали Лесной кодекс // Коммерсантъ. 2006.

3. Лесной кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2018.

4. Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2018 г. № 1989-р. URL: <https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-1989-r-0092018/> (дата обращения: 15.01.2019).

5. Ярошенко А.Ю., Комарова А.Ф., Крейншлин М.Л. К двухлетнему юбилею нового Лесного кодекса Российской Федерации. М.: Совет Гринпис, 2009.

6. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году: государственный доклад. М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2017.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Багирова Тамара Борисовна – старший преподаватель кафедры социологии и технологий ГМУ Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина), г. Екатеринбург.

Белащенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), г. Нижний Новгород.

Березина Анна Валерьевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Боровских Людмила Леонидовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Ганчар Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории Гродненского государственного аграрного университета (ГГАУ), г. Гродно.

Герштейн Илья Захарьевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой дипломатии и международного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), г. Нижний Новгород.

Иванов Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (ЛГТУ), г. Липецк.

Каташинских Сергей Николаевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Киселева Людмила Александровна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Литвинец Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Полчаева Фатима Абдулнетифовна – младший научный сотрудник Института истории этнографии и археологии Дагестанского научного центра при Российской академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН), г. Махачкала.

Пухов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Самарская Людмила Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Фонова Нина Георгиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики менеджмента Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина), г. Екатеринбург.

Чевардин Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Черезова Оксана Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Шмелев Антон Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), г. Нижний Новгород.

Шоджонов Имомидин Фозирович – магистрант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), г. Нижний Новгород.

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (КИУ им. В.Г. Тимирязова), г. Казань.

Научное издание

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

ISBN 978-5-94984-692-6

Редактор К.В. Смирнова
Оператор компьютерной верстки Т.В. Упорова

Подписано к использованию 19.04.2019
Уч.-изд. л. 7,9. Объем 700 Кб.
Тираж 500 экз. (1-й завод 25 экз.)
Заказ №

ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»
620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 37
Тел.: 8(343)262-96-10. Редакционно-издательский отдел

Типография ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УПИ»
620062, РФ, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел.: 8 (343) 362-91-16